

Третья—съ 1789 года до принятия конституции въ 1791 году.

Четвертая—отъ принятия конституции до того момента когда „благодаря ей свершилось юридическое убийство Лудовика XVI (Jusqu'au moment où elle fit consommer le meurtre juridique de Louis XVI).“

Каждая часть снабжена эпиграфомъ. Три эпиграфа обозначены какъ заимствованы изъ мыслей дофина, отца Лудовика XVI (pensées du Dauphin, père de Louis XVI); четвертый эпиграфъ—ко второй части—приведенъ какъ слова дофина (paroles du Dauphin, père de Louis XVI). Вотъ эти эпиграфы:

Въ первой части: „Величайшее искусство королей въ томъ чтобы знать людей“.

Во второй: „Слабость короля дѣластъ въ его добродѣтели безплодными“.

Въ третьей: „Атависты захотѣть разрушить религию, тронъ, законы“.

Въ четвертой: „Если ложнымъ философамъ удастся развратить народы, то конецъ общественному благополучию“ (il n'y aura plus du bonheur public).

На рисункѣ изъ началъ первой части, посвященномъ памяти Лудовика XVI „благодорителя и мученика“, изображеніе: „История, испуганная смертию Лудовика XVI, ромпеть перо изъ рукъ, восклицаетъ и закрываетъ книгу“. Предъ фагурою Истории бѣсть короля, падающій съ пьедестала. Подписано: С. Т. Е. Hendebois d'Aguila inv... del script... Hambourg au mois de mars 1801. При началѣ второй части изображеніе силуэтъ Лудовика XVI, съ подписью: „20 января 1801.“ Третій рисунокъ находится въ четвертой части и изображаетъ башню куда бываѣтъ заключенъ Лудовикъ XVI.

Въ посвященіи императору Александру I авторъ выражается такъ:

Государь,—Я желалъ языкомъ истинъ представать великия свидѣтельства крайней доброты Лудовика XVI и указать ошибки философствования (philosophisme) кои были такъ пагубны въ это посѣданіе вѣка.

Еще не обарадовавъ эту дань уваженія къ добродѣтельямъ доброго короля, нахожу вознаграждение моего труда въ удовольствии какое чувство подноса его государю, который, въ молодыхъ лѣтахъ возвѣтъ на тронъ, обнаруживаетъ рѣдкія качества возвышенной и благородной души, горающей желаніемъ охранить истинное благо его народовъ. Си блестящія черты правителя съ такою быстротой и силой обназ-

ПЕРВЫЕ ДНИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

1789 ГОДА

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА

Въ началѣ весны нынѣшняго года Императорскою Публичною Библіотекою сдѣлано вѣсма любопытное приобрѣтеніе. Приобрѣтена рукопись на французскомъ языкѣ въ четырехъ обширныхъ томахъ in folio, четко написаная, въ хорошемъ переплѣтѣ, украшенная тремя рисунками, послѣдньяя и въ свое время поднесенная императору Александру I въ 1801 году. Сочиненіе постѣль заглавіе: *Examen sur la Monarchie Fran aise, sa d cadence et sa subversion, ou recherches morales et politiques sur les causes anciennes et modernes, premi res et secondes, de la R volution des Fran ais, contenant l'analyse de leur mœurs et caract re, des lois fondamentales du royaume, des principes des anciennes r volutions; du gouvernement et des administrations; des int r ts de tous les ordres dans tous les tems de la monarchie; du g nie national; de la soci t  etc.*

Авторъ сочиненія эмигрантъ, кнезальеръ д'Агюла (d'Aguila).

Первая часть заключаетъ въ себѣ обзоръ французской исторіи отъ 174 года, когда христіанство проникло въ Галлію, до 1774, года смерти Лудовика XV.

Вторая—отъ восшествія на престолъ Лудовика XVI до 1788 года, когда этотъ король повелѣлъ созвать Сословныхъ Представителей государства (『tats-g n eraux du royaume』).

ружались изъ Вашеихъ Августѣйшихъ Величествъ что иныхъ Европа ѡдѣтъ общаго своего счастія отъ великаго пріимѣра подзваннаго Александромъ Первымъ на благо своей имперіи.

Важъ, Государь, по праву принадлежитъ посвященіе сочиненія, въ коемъ авторъ имѣеть въ виду единственно доказать свою вѣчную истину: все счастіе государей и подданныхъ зиждется на точномъ поддержкѣ основныхъ законовъ государства, на строгой справедливости и наконецъ на вознагражденіи доблестей чрезъ высокое уваженіе оказываемое каждому добруму дѣламъ.

Соблаговолите, Государь, снисходительно принять сочиненіе которое въ вынужденъ бытъ писать то скитаюсь изъ страны въ страну, то среди загорной жизни, всегда подъ гнетомъ самыхъ печальныхъ беспокойствъ.

Готовый раздѣлить счастіе испытываемое подъ правлѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, я отправляюсь въ Россію стъ надеждой найти тамъ второе отечество, будучи уже двѣнадцать лѣтъ вдали отъ своего.

Подъ посвященіемъ подписанъ: Le Chevalier d'Aguila, ancien garde du corps de S. A. R. Monsieur et capitaine de cavalerie.

При разсмотрѣніи интересной рукописи возникаютъ вопросы: кто бытъ этотъ кавалеръ д'Агила и извѣстно ли что изъ его біографіи? Было ли его сочиненіе когда-либо напечатано или сохранилось только въ этомъ рукописномъ экземпляре, неизвѣстно изъ библіотекъ императора Александра, неизвѣстно где странствовавшемъ по свѣту, и возвратившемся иныхъ въ Публичную Библіотеку пріобрѣтну его антикварнымъ путемъ, въ магазинѣ старыхъ книгъ?

Въ первомъ дополнительномъ томѣ ко *Всебоющей Біографіи* Минно (LVI, 104; 1824 года) находимъ иѣсколько свѣдѣній объ авторѣ рукописи. Изъ коротенькаго біографическаго очерка подписанаго: Fortio Urban et Lefebure-Sanchy, узнаемъ что кавалеръ д'Агила — называемый въ очеркѣ ancien officier du g ne, — бытъ однимъ изъ неутомимыхъ путешественниковъ конца прошлаго вѣка. Въ 1770 году онъ бытъ въ Америкѣ; вернувшись въ Европу, странствовалъ по Швейцарии и берегамъ Ботническаго залива, бытъ въ Финляндіи, въ Петербургѣ. Въ 1774 году находимъ его въ Венециѣ, откуда онъ собиралсяѣ ходатъ въ Константинополь. Въ годы прединоставленіе революціи онъ находился во Франціи. Первые дни переворота застали его въ Парижѣ, и онъ бытъ очевидцемъ происходившаго. Въ августѣ 1789 года онъ эмигрировалъ, перебѣжалъ изъ города въ городъ,

живъ иѣкоторое время въ Швейціи, бытъ въ Россіи; въ 1802 году вернулся во Францію. Умеръ въ Парижѣ въ 1815 году.

Біографъ приводить перечень его сочиненій въ слѣдующемъ порядкѣ:

„1. *Causes anciennes et modernes des événements de la fin du XVIII siècle.* 4 vol. in fol. Biblioth que de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, Alexandre I.

„2. *Découverte de l'orbite de la terre, du point central de l'orbite du soleil.* Paris 1806. 1 vol. in 8°, accompagn e de 8 planches

„3. *La sph re m canique*, ouvrage dont il parle lui-m me mais qu'il serait difficile de retrouver.

„4. *Histoire des événements m m rables du r gne de Gustave III, roi de Su de et de Gotha* 4 vol. in 4°, enrichi d'une vue de Stockholm et d'une carte de Finlande.“

Упомянутое въ этомъ спасѣ, какъ находящееся въ библіотекѣ императора Александра I, сочиненіе *Старыя и новые причины событий конца XVIII века*, очевидно, есть та самая рукопись которая иныхъ находится въ Публичной Библіотекѣ. Указаніе на мѣстохождение сочиненія, отсутствие помѣтки о годѣ и мѣстѣ изданія суть свидѣтельство что сочиненіе это не было издано. Желая ближе въ томъ удостовѣриться, я просмотрѣлъ какіе имѣются въ Публичной Библіотекѣ біографические и бибіографические словари и каталоги книгъ изданныхъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Встрѣтилась только слѣдующая указка на произведенія кавалера д'Агила.

Въ *Grand dictionnaire du XIX s cle* par Pierre Larousse (T. I, 144) помѣщеноѣѣ сколько строкъ свѣдѣній о д'Агила замѣтствованныхъ изъ *Всебоющей біографіи*.

Въ изданіи *La France litt raire ou dictionnaire bibliographique* par Qu r d (I, 17. Paris 1827) сочиненія кавалера д'Агила поименованы такъ:

Causes anciennes et nouvelles des événements de la fin du XVIII s cle. 4 vol in 8°.

„*D couverte de l'orbite de la terre, du point central de l'orbite du soleil, leur situation et leur forme.* Paris. 1808, in 8°, avec planches.

„*Histoire des év nements m m rables du r gne de Gustave III.* Paris. Delance. 1807. 2 vol. in 8°.

Заглавие первого сочиненія приведено не точно: вмѣсто *causes modernes* поставлено *causes nouvelles*, формътъ означаетъ in 8°.

Въ *Manuel du libraire* par Brunet (1860. Т. I, 115) упоминается только: *Aguila-Règne de Gustave III*. Замѣчено что это послѣднее сочиненіе, по смерти автора, вдовой его было издано вторымъ изданиемъ съ посвященіемъ Лудовику XVIII, (*Histoire du règne de Gustave III*. Berlin. 2 vol. in⁸. 1815).

Другихъ указаний на произведения кавалера д'Агилы не встрѣчается.

Приведенного достаточно ли, однако, для заключения что сочинение д'Агилы о революціи не было напечатано? Указаніе Керара, хотя источное и неподточное, на четыре тома in⁸, безъ обозначенія года и издателя, не должно ли все-таки винуть подозрѣніе что *Причины событий конца XVIII века* были изданы?

Слѣдующее обстоятельство, кажется мнѣ, устраиваетъ такое подозрѣніе и ставить въ сомнѣнія что представляемое императору Александру сочиненіе не было издано въ что, по всей видимости, находящаяся нынѣ въ Публичной Библіотекѣ рукопись есть единственная экземпляръ этого сочиненія. Въ Публичной Библіотекѣ, оказалось, находится экземпляръ упомянутой выше книги объ орбитѣ земли. Экземпляръ этотъ, поступившій въ Библіотеку изъ Эрмитажной библіотеки, принадлежалъ первоначально личной библіотекѣ императора Александра I, какъ видно изъ нашедшагося вложеннаго въ книгу собственоручнаго письма кавалера д'Агилы (того же почерка какъ рукопись о революціи) на имя императора Александра I.

Вотъ это интересное письмо:

Государы, — Весьма счастливымъ почитаю себя, найдя сей второй случай поднести Вашему Императорскому Величеству новую дамъ моего глубокаго уваженія. Въ 1801 году я имѣлъ смѣость, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, представить Вашему Величеству мой историческій опытъ въ четырехъ рукописныхъ томахъ, содержащий въ себѣ изслѣдованіе причинъ революціи разстроившей всю Европу. Всакая доброта съ какою Ваше Величество благоволили присяять сіе сочиненіе навсегда сохранится въ моемъ воспоминаніи.

Нынѣ не только руководимый тѣмъ же удивленіемъ къ доблестямъ Вашими, со всѣкимъ даемъ болѣе и болѣе блестяще проявляемъ, но и двинутый чувствомъ приватнойности за благіе коимъ наслаждалася въ едкой изъ прекраснѣйшихъ столицъ міра, я дарю, Государу, просить Ваше Величество присяять первый экземпляръ сочиненія которое я издаю подъ заглавиемъ *Astrostatische* и которое содержитъ въ себѣ мое открытие орбиты земли.

Дѣло первой необходимости въ области народного образования старательно истреблять заблужденія ^и, ибо они искажаютъ маго-жизнь разумъ, скоро оказываютъ вліяніе на самыя основы государственной безопасности, порождаютъ преступность и искажаютъ, даѣтъ все предать анархіи. Гипотезы принятыхъ новой философіей повелѣнія къ тому начальству котору что во все внесли пелѣющую догму материализма. Этого достаточно чтобы пояснить всю ихъ опасность. Время правительства преобразовать обученіе, если заботятся о своей безопасности.

Ваше Императорское Величество сами почувствовали уже сюю необходимость. И если, среди трогательныхъ заботъ о счастіи вашихъ обиженныхъ странъ, Ваше Величество найдете свободную минуту дабы бросить взоръ на мое открытие, Вы признаете что это пладъ моего труда есть не иное чѣмъ какъ произведеніе нѣкотораго вдохновенія и что сочиненіе мое способно возвратить въ человѣческія знанія любовь къ добруму, справедливому и полезному.

Съ почтеніемъ пребываю,

Государь,

Вашего Императорского Величества
избѣжшимъ и покорѣйшимъ слугу

Hendelbart d'Agnila

бывшій офицеръ на службѣ короля Франціи

Парижъ, 2 сентября 1806.

Сочиненіе объ истинной орбите земли принадлежитъ къ числу самыхъ куріозныхъ ученыхъ трактатовъ. Полное заглавие его таково: *Astrostatische, découverte de l'orbite de la terre, du point central de l'orbite du soleil; leur situation et leur forme, de la section du zodiaque par le plan de l'équateur et du mouvement concordant de deux globes, avec figures*. Par C. T. E. H. D'Agnila. Paris, de l'imprimerie de Delance. 1806.

Авторъ отвергаетъ систему Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона, находя ее ошибочною, нецѣльною, несогласною со свидѣтельствами Св. Писанія. Землю, впрочемъ, онъ не считаетъ неподвижною согласно его теоріи, земля имѣеть вращеніе около оси и кроме того собственное, малыхъ размѣровъ, орбиту у центра обиженаго круга по которому солнце совершила свое гигантское движеніе, обходя вокругъ земли. Соединеніемъ такихъ двухъ движений: земли по ея малой орбите

* Въ подлинниѣ не совсѣмъ точная фраза: *Dans les choses nécessaires à l'instruction publique ce qui doit être détruit avec le plus grand soin ce sont des erreurs...*

и солнца, вокруг земли, по большой — кавалер д'Агиле позаглядывал возможнымъ объяснять съ простотой всѣ видимыя астрономическая явленія, не прибегая къ учению астрономовъ о солнечной системѣ и о тяготѣніи. Какохъ-либо, не говорить серозныхъ, по сколько-нибудь останавливающихъ вниманіе опровергній существующаго ученія или доказательствъ нового въ книгѣ не встрѣчается; но мысль показанная автору объясняющею устройство мірозданія и достоинства которой она описываетъovalасть его умомъ до состоянія почти маніи. Она налагается что сочиненіе его послужитъ къ прославленію XIX вѣка (*puisse cette publication participer à l'illustration du XIX siècle*). Оно достичь открытия путемъ постоянного размышленія и видеть въ немъ вспышение свыше, побуждающее его посвятить свое открытие Богу (*j'y suis rassuré d'après une pensée constante et que je regarde comme une inspiration... Je dois ce premier hommage à Dieu...*). Qu'il daigne agréer ce sentiment par lequel j'ose Lui dédier la déconversion). „Въ течевіе 3.600 лѣтъ астрономія не имала на существованіе орбиты земли. Открытие этой орбиты и мнѣю ею занимаемаго присущество великую пользу человѣческому знанію“, говоритъ онъ въ началѣ предисловія. Мистическое настроеніе сопровождающее мысль автора выражается во многочисленныхъ отступленияхъ, со ссылками на Св. Писание и отрывками изъ другой учебной работы автора, оставшейся въ портфеле и которую онъ называетъ „теоріей существованія“ (*théorie de l'existence*).

Астрономику напечатаны въ 1806 году въ типографіи Деланса. Тѣмъ же издателемъ, около того же времени, изданы Записки кавалера д'Агиле о событияхъ царствованія Густава III. Сочиненіе о революціи, какъ видно изъ письма къ императору Александру I, оставалось непечатаннымъ. Непечатаннымъ осталось оно, по всѣмъ даннымъ, и въ посаѣдствіи. При настросинѣ ума автора трудно и представить себѣ чтобы онъ нашелъ въ себѣ силы издать обширный историческій трудъ. Еще менѣе вѣроятно чтобы, въ эпоху блеска Наполеоновской имперіи, нашелъ онъ издателя для книга посвященной прославленію несчастнаго Лудовика XVI.

Сочиненіе свое о революціи д'Агиле препроводилъ къ императору Александру I, изъ Гамбурга, въ 1801 году. Въ это время онъ былъ воспитателемъ при сынахъ русскаго резидента въ Гамбургѣ, Иванѣ Матвеевичѣ Муравьевѣ. Объ этомъ упоми-

кается въ пѣсольскихъ строкахъ, * какія находимъ въ *Rусскомъ Архивѣ* № 2 1882 года, въ замѣткахъ изъ воспоминаній дѣкабраста Матвѣя Ивановича Муравьевѣ. Въ этихъ строкахъ сказано: „При Матвѣи Ивановичѣ долго находился лакъ Лудовика XVI—шевалье Дагиле (*le chevalier d'Aguila*). Онъ вѣкогда сидѣлъ на козлахъ у короля когда тотъ бѣжалъ изъ Версали, а потому онъ служилъ въ арміи принца Конде,— члозѣкъ не только весьма образованный, но и ученый.“ Пребываніемъ въ русскомъ семействѣ отчасти объясняется обращеніе кавалера д'Агиле къ русскому императору. Въ приведенныхъ строкахъ есть неточности. Кавалер д'Агиле сопровождалъ короля не при бѣгствѣ его, а при вѣзѣ въ Парижъ 17 июля 1789 года, какъ увидимъ ниже. Нажемъ Лудовика XVI онъ не былъ.

Рукопись д'Агиле во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изданія. Она не вноситъ, правда, чѣмъ-либо существенаго въ богатый материалъ записокъ, документовъ и историческихъ сочиненій, относящихся къ эпохѣ первой французской революціи. Авторъ покинулъ Францію еще въ августѣ 1789 года и описываетъ события, кроме начальныхъ, падали, не занимая притомъ видного мѣста въ рядахъ эмиграціи. Тѣмъ не менѣе сочиненіе кавалера д'Агиле весьма интересно какъ по разсѣянію въ немъ неактивныхъ чертамъ останавливающими вниманіе, такъ и по взгляду на события съ точки зреінія эмигранта, приверженца стараго порядка; даѣтъ, по любопытному описанію волненій въ Парижѣ въ первые дни революціи, а также по обилию подробностей относящихся къ процессу несчастнаго короля (въ подробностяхъ этихъ, повидимому, любопытныхъ, не имѣлъ еще времена разобраться).

Мыѣ казалось интереснымъ для русскихъ читателей привести находящееся въ третьей части сочиненія описание польскихъ дней въ Парижѣ. Авторъ былъ ихъ очевидцемъ и разказываетъ то что видѣлъ. Описанію этому кавалеру д'Агиле самъ придѣстъ эпизодической характеру, вставивъ его въ свой трудъ со вносыми знаками, какъ разказъ кѣкотораго очевидца, и только въ концѣ, въ примѣчаніи, поясняетъ что очевидцемъ этимъ былъ онъ самъ. Приведу это описание, раздѣливъ его на два эпизода и включивъ между ними пѣсолько

* Указаниемъ на эти строки я обозначъ помоющику директора Публичной Библиотеки, Л. Н. Майкову.

дополнительныхъ пояснений на основании какъ этого описания такъ и другихъ источниковъ. Замѣчу что языкъ кавалера д'Агаса необразованъ и у него встрѣчается не мало несвойственныхъ выражений, которыхъ прошу не приписывать недостаткамъ перевода.

О событияхъ въ Парижѣ въ первые дни революціи сохранилось довольно много свѣдѣній, преимущественно въ запискахъ современниковъ. Документы болѣе или менѣе официальнаго характера представляютъ собой протоколы собраний избирателей, изданные какъ приложение къ первому тому *Монитора*. Какъ известно, изданіе *Монитора* началось съ 24 ноября 1789 года; въ февралѣ 1790 газета эта соединилась съ другимъ изданіемъ: *Bulletin de l'Assemblée Nationale*. Съ этого времени началось изложеніе засѣданій собраний въ драматической формѣ, и вместо обзоровъ стали помѣщаться са-мыя рѣчи. Въ IV годь республики (1796), когда газета уже пріобрѣла успѣхъ въ видѣніе, издаватель ее (Панккүль) пріобрѣтъ ея оригиналъ мѣръ. Задача числами были составлены номера газеты за промежутокъ времени отъ 5 мая 1789 года, —для открытия Собрания Сосасныхъ Представителей (*Etats généraux*)— до дня дѣйствительнаго появления журнала. Эти номера, ч. сломъ 93,—газета выходила не ежедневно,—были напечатаны въ томъ же форматѣ и видѣ какъ издавалась газета "со днѧ появленія, и за плату предложены подпищикамъ. Изъ со-вокупности 93 номеровъ составлены задачи числами и 38 дѣйствительно выданныхъ въ 1789 году и для изданія четвертаго года вновь перепечатанныхъ съ измѣненіемъ формы изложения преіѣдѣ происходившихъ въ собраний, составился первый томъ *Монитора* **. Въ началѣ тома помѣщено

* Издатель *Монитора* съ самого основанія газеты дѣлъ ей необычайный въ то время форматъ газетного листа, значительно превышающій употребительные форматы книгъ, много меньшій впрочемъ противъ формата книжинныхъ газетъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть коллекція первоначальнаго *Монитора* съ присоединенными первымъ томомъ и перепечатанными номерами издания IV года.

** Полное заглавіе тома таково: *Gazette Nationale ou le Moniteur Universel, commencé à 5 mai 1789, précédé d'une introduction historique contenant un abrégé des anciens états généraux, des assemblées des notables et de principaux événements, qui ont amené la révolution. Paris, chez H. Agasse libraire, rue de Poitevins, n° 18. L'an IV de la République.*

обширное историческое введеніе заключающее въ себѣ обзоръ прежнихъ собраний сословныхъ представителей, собраний по-таблей, а также документальный очеркъ событий ближайше предшествовавшихъ революціи. Къ концу тома были приложены два важныхъ документа. Одинъ—слѣдственное дѣло по поводу событий 5 и 6 октября 1789 года; другой, имѣющій ближайшее отношеніе къ событиямъ первыхъ дней революціи въ Парижѣ, озаглавленъ *Изложеніе изъ протокола засѣданій парижскихъ избирателей* (*Extrait du procès-verbal des séances des électeurs de Paris*). Это единственный официальный или, точнѣе, почти официальный архивный памятникъ дней волненія въ Парижѣ, означеніемъ захватомъ Бастилии и уличными подвигами. Протоколъ относится къ промежутку времени отъ 13 іюня до 22 июля 1789 года и заключаетъ въ себѣ изложеніе, повидимому, нѣсколько ретушированное для печати, того что въ эти дни происходило въ стѣнахъ Думы.

Важное дополненіе къ протоколу составляютъ Записки пользовавшаго имъ избирателя Дюса (Dusaulx), игравшаго дѣятельную роль въ думскихъ засѣданіяхъ этихъ дней. Записки озаглавлены *Дѣло семи дней* * и помѣщены въ извѣстномъ сборникѣ мемуаровъ Бервилля и Барьера вмѣстѣ съ ораторскимъ описаніемъ взятія Бастилии, составленнымъ Дюсо для Национального Собрания и въ отрывкахъ читаемымъ въ его засѣданіяхъ.

Въ протоколахъ разказывается о томъ что происходило въ Думѣ. Чѣдѣлолось въ то же время на улицахъ Парижа узаконѣ, кроме записокъ Дюса, изъ мемуаровъ Балы, вѣсмы полныхъ, въ которыхъ первый мэръ Парижа сдѣлать за события изо днѧ въ днѧ; изъ мемуаровъ Вебера, де-Ферьера, Мармонтеля, Матѣя, Дюма, Мореле, Безанвиля, а также изъ исторій революціи писанныхъ ея современниками и участни-ками и на которыхъ потому можно смотрѣть какъ на исторические источники, подобно мемуарамъ. Таковы исторіи Бертрана де-Модевилья, Тулонжона, Ламета, Монжуа, Рабо Сент-Этьена, Лакретеля (исторіи Ламета и Монжуа мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось встрѣтить въ библіотекахъ Москвы и Петербурга). Наконецъ, парижскія события юльскихъ дней переданы въ революционномъ журнале *Révolutions de Paris*

* *Oeuvre de sept jours. Collection des mémoires par Berville et Barrière. Mémoires de Linguet et de Dusaulx, 2me ed. Paris, 1822.*

Приюдома, начавшемъ появляться съ 17 июля 1789 года, съ первыхъ слѣдовательныи дній революціи.

Непосредственными очевидцами событий и сценъ описаніи ваемыхъ кавалеромъ д'Агилл были немногіе изъ упомянутыхъ авторовъ мемуаровъ и исторій. Самъ Бальзак находился въ эти дни преимущественно въ Версалѣ и особенно подробно описываетъ то что происходило въ собраниі. Переисказываютъ большую часть то что слышали, изъ близкайшихъ правда источникій, но не то что видѣли собственными глазами. Въ строгомъ смыслѣ непосредственныхъ наблюденій, кромѣ Бальза и Дюсо (описанія послѣдняго раздѣлены и крайне не-объективны), встрѣчаемъ въ нѣсколькоихъ строкахъ Морес и въ любопытной страницѣ Матье Дюма которая приведена ниже. Въ этомъ отношеніи пересказы д'Агилла имѣютъ цѣнность непосредственныхъ личныхъ наблюдений.

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОДЪ.

Разказъ о вооруженіи Парижа.*

Я находился уже нѣсколько дней въ загородномъ домѣ близь Шуази-ле-Руа, когда въ воскресенье (12 июля 1789) около шести часовъ вечера услыхалъ что Парижъ волнуется. ** Счелъ это преходящей вспышкой. Чрезъ часъ отправился и прибылъ въ весьма населенное предмѣстіе Сен-Марсо. Въ предмѣстій и между французскими гардами, часть которыхъ тамъ помѣщалась, было локотно. На площади Сен-Мишель услыхалъ что волненіе происходило главнымъ образомъ у Тюильри, въ Пале-Рояль, у заставы Бланшъ (*à la barrière Blanche*) и проч. Перешелъ Pont Neuf. Онь былъ пустъ, вслѣдствіе нападенія на караульню, находящуюся подножія конной статуи Генриха IV. Ко миѳ присоединились многія женщины, несмотря на то что изъ кричали не ходить. Онь очень испугались, когда раздалось нѣсколько ружейныхъ выстреловъ. Переѣхъ черезъ мостъ, я увидѣлъ какого-то господина, въ черномъ, при шлагѣ, который подумалъ кучку создать изъ числа гардовъ, съ виду пьяныхъ и растерянныхъ. Онь говорилъ имъ: „вы также нація“. Подобная фраза тѣкъ уже миѳ

* Это и послѣдующія заглавія принадлежатъ кавалеру д'Агиллу.

** Въ этотъ день пришла вѣсть обѣ увольненіи Неккера. Толпа изъ Пале-Рояля устроила шествіе съ бюстомъ Неккера въ герцога Оранскаго. На Вандомской площади было стоякновеніе шестнѣа съ отрядомъ Royal-Allemagne. Другое стоякновеніе было при входѣ въ садъ Тюильри. Командиръ Royal-Allemagne кнзъ Ламбескъ со своими драгумами выстрѣтилъ у входа въ садъ Тюильри баррикаду стульевъ изъ-за которой поплыты рядъ камней и бутылокъ. Нѣсколько человѣкъ окружили кнзя, хватили его лошадь за гриву и за узды. отсадилъ его ездочку. Быть выстрѣль изъ пистолета. Ламбескъ, дѣвъ ширмы зонти, обособился и ударами пистолетъ забѣлъ голову какого-то человека, старавшагося закрыть входъ измѣстъ. Благодара разказанию и описанію *Révoltes de Paris*, где изображается какъ Ламбескъ неистово нападъ на жаркихъ жителей „все оружие которыхъ состояло изъ наконечниковъ въ рукахъ“, скажется легенда объ „убитомъ старѣѣ“, пушечномъ выстрѣль, раненыхъ гражданахъ.

надоело что зас остановился и направился на Quai de l'Ecole где разбивали оружейный лавка. Проходящих заставляли кричать: „Да здравствует нація!“ Безчинство это творили какие-то оборванцы странного вида и съ нездешнимъ выговоромъ.

Семейство мое ждало меня у знакомыхъ, где я долженъ былъ ужинать. Прибыть, нашель женское население въ отчаяніи и въ самомъ жалкому состояніи. Это на меня сильно подействовало. Надо имѣть косную, грубую или чѣмъ-либо поглощенну душу чтобы оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ революціи. Какъ писки или деопытны были тѣ которыхъ не оценивали или хотѣли отрицать могущія произойти несчастія!

Жестокое предчувствіе при видѣ смущенія общества, где до того дня я испытывалъ отдыихъ мысахъ и покой сердца, подействовало на меня даже физически, такъ что въ теченіе многихъ минутъ я чувствовалъ сильную болъ у темени, точно о менѣ разбилось что твердое. Въ гостиной были трое или четверо музыкантовъ; одни были приверженцы волпеній, другіе оставались въ нерѣшимости. Они спорили о событияхъ. Я тотчасъ принялъ рѣшеніе и увелъ мою семью ужинать домой. На улицахъ было очень мало акилакей. Бхать въ экипажѣ было неблагородно, такъ какъ ихъ останавливали. Бродяги старались оказывать внимание къ женщинамъ (les vagabonds affectaient de montrer beaucoup d'égards aux femmes). Скоро въ огромномъ городѣ посыпалась зловѣщій гулъ набата, повторенный тысячью колоколами. Остававшіеся въ домахъ переговаривались въ окна, сообщая взаимно свое беспокойство. Ихъ прерывали толпы проходившіе съ факелами, при шумѣ шагая, съ криками: „граждане, къ оружію!“ Толпы народа стремившіеся внутри города останавливались, подобно рѣкамъ впадающимъ охваченнымъ замерзлаемъ, въ извилистыхъ переулкахъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. То были отцы, матери, дѣти. Жалобно умоляли находившихся у оконъ дать до утра убѣжище на лѣстницахъ домовъ. Со слезами и покорой готовы были исчезнуть изъ гордой столицы. Въ Версалѣ спали, тогда какъ въ Парижѣ честные люди съ ужасомъ ломышили о временахъ Лиги и Фронды, а нечестивые умы радовались наступающему букути.

Часть избирателей сбрасываютъ маску. Агитаторы бѣгутъ въ казармы гардово. Солдаты пьяные отъ вина и водки, въ

общіи розданныхъ, прашиваютъ деньги, назначенные чтобы возбуждать безуміе ихъ неповиновенія. Низкие офицеры, вѣмы, не осмѣивающіеся употребить власть, не представляютъ солдатамъ разбѣгаться изъ казармъ. Полуодѣтые гарды хватаются за оружіе и бѣгутъ на улицы, къ Пале-Рояль и на Греськую площадь предъ Думой, повторяя лозунгъ заговорщиковъ: „да здравствуетъ нація!“

На разсыпѣ сожжены иѣхъ торжества заставы, прозаставные таможенные (les soupis aux droits d'entrées) избыты, проганы и изувѣчены. Обширный монастырь лазаристовъ разбитъ и разграбленъ; солдаты - гарды ружейными выстрѣлами преслѣдовали гусарскій патруль, и онъ спасся лишь быстрой конной.

День 13 іюля.

Съ утра, съ нетерпѣніемъ желаю узнать что выйдетъ изъ ночныхъ безпорядковъ, я благородно одѣлся въ старое платье и направился въ Сен-Жерменское предмѣстіе, где у меня было дѣло. Пошелъ по улицѣ де-Руль. Вижу, куницы пріотворяютъ двери своихъ магазиновъ и опять затворяютъ, какъ только замѣтятъ прибывающую кучку изъ десяти, двѣнадцати человѣкъ. У Нового Моста я встрѣтѣлъ двѣ шайки, соединившіеся тамъ чтобы направиться на Греськую площадь. Толпа состояла изъ людей обоего пола. Но виду это были самые грязные подонки народа. Но между ними можно было видѣть вѣсколькихъ украшенныхъ лентами пекрещенными на тѣлѣ, съ усами нарисованными углемъ (on voyait des décorés de rubans croisés sur le corps, avec des moustaches de charbon).^{*} Толпа была вооружена саблями, плохими ружьями, аллебардами. Несколько значковъ изъ трапокъ и бумаги. Можно было замѣтить солдатъ городской стражи (soldats de guet), много французскихъ гардовъ, вѣсколько дезертировъ изъ разныхъ полковъ, вѣсколько молодыхъ людей, панидничихъ забавными, послѣ почтѣ проводѣній въ развратѣ, привести съ собою публичныхъ дѣвокъ, пьяныхъ и

* При заставахъ сборы (droits d'entrée) доставляли до 60 миллионовъ въ годъ. Прим. кас. д'Агилы.

** Куріозный фактъ о которомъ ниже, при другомъ случаѣ, еще разъ упоминаетъ д'Агилы.

гражданских. Все имело вид скорбь маскарада изыщего разбора чьи́мъ народного возстанія. Грубый дѣтина загораживаетъ такою случаю и спрашиваетъ на сторонѣ ли я нація и что въ тиль что иду за оружіемъ присоединиться къ толпѣ. Я отвѣтилъ что иду за оружіемъ и просилъ указать мнѣ гдѣ сборное мѣсто. Въ Пале-Рояль, былъ отвѣтъ. Часть Секъ-Жерменскаго предмѣстья гдѣ у меня было дѣло, состоящая изъ домовъ занимаемыхъ самими владѣльцами, была совершенно скопокома. Въ глубинѣ своихъ обширныхъ ломѣщений скрывались ихъ хозяева, находясь въ постоянной тревогѣ. Я возвратился въ мой кварталъ (Луврскій) около девяти часовъ утра. Замѣтилъ на улицахъ что многие носили на плечахъ родъ юкаръ зеленаго цвета.

Собрание участковъ.

Дома узналъ что возникъ вопросъ образовать общее советы участковъ. Выборы въ Собрание сословныхъ представителей доставили это новое основаніе революционерамъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ звонки въ набатъ, въ другихъ били въ мой приходъ. Уже давно не носили шлаги, но тутъ я Однѣ изъ избирателей былъ предложенъ во временные предѣдатели. Предложение сдѣлалъ приходской сяящий, и прошло. Составили бюро. Начались рѣчи болѣе или менѣе безумныя о критическомъ положеніи посаѣдней ночи. Предложено вооружиться чтобы иметь защиту противъ бродягъ и сквалоч.

Ораторы съ голосомъ Стентора, опытные въ своемъ дѣлѣ, начали по шестидесяти участкамъ, возбуждая умы, декламируя противъ происшедшаго^о на площади Лудовика XV. Тотъ кто громилъ у насъ, предавалъ князя Ламбеска подземелья сизамъ. Кто-то отвѣчаетъ: зачѣмъ кричать противъ тѣхъ кто намъ приносить пользу? собирались ли мы безъ него?—Другой: давай надо было принять рѣшеніе, которое теперь насъ винитъ.—Господи, говорю я, мы не должны быть бунтовщиками.—Къ порядку!—Да, возражали я; и надо

* Разогнаніе киленъ Ламбескомъ толпы исчезъ бисты Неккера въ присутствіи Орабезскаго, посѣтъ обѣда 12 пол.

узнать принадлежитъ ли действующій предложеніе направление противъ двора къ нашему участку.

Когда хотѣли его спросить, съѣдѣ же исчезъ. Тогда въ созѣдию родилось подозрѣніе; рѣшено послать депутатовъ въ Думу чтобы дѣлать, какъ сдѣлаютъ другіе. Я попалъ въ число семи или восьми выбранныхъ для этой цѣли.

Когда мы пришли на набережную Мессажеръ, встрѣтили кареты съ депутатами направлявшимися изъ другихъ участковъ изъ Духъ. Мы были пѣшкомъ. Черезъ сталь оскорблять аббата бывшаго въ нашей депутациѣ. Духовныхъ уже не удавало болѣе. И съ ихъ стороны было большою ошибкой вмѣшательство въ участковыя собранія и дѣла. Мы заступились за аббата. Въ эту минуту какою-то сержантъ Парижскаго батальона (un sergent du bataillon provincial de Paris) возвѣстилъ что будетъ читать Пароль настъ оставилъ. Нѣсколько вербовщиками (quelques recruteurs) охраняли, часть въ дала намъ возможность пройти въ толпѣ, запруженной входъ въ Думу. Замѣчательно что они прочитали путь дорогу, ударяя саблями людей болѣе или менѣе хорошо вооруженныхъ, уступавшихъ предъ крикомъ: дорогу депутатамъ! По правдѣ и мы подвергались опасности быть ранеными.

Картина Думы.

Не скажу чтобы я былъ страстью любопытствомъ. Любопытство никогда не было господствующимъ во мнѣ чувствомъ, и однако именно оно привлекло меня въ Думу, потому бывшую театромъ столькихъ преступлений. Я, не знаящій ничего лучше этихъ и спокойствия душъ, ощущалъ себя въ какомъ-то новомъ мірѣ. И еслибы я не былъ связанъ съ депутатами, то осталася бы средь толпы посмотретьъ дѣйствія буйной черни, любящей пурпуръ, ищущей опасностей. Меня ожидалъ курьезный сюрпризъ. Мы дошли до дверей большой думской залы. Пройти дальше не было возможности. Неподвижная масса заграждала входъ. Но когда мы объявили наше назначеніе, намъ было отвѣчено что мы пройдемъ какъ прошли другіе и что нація достаточна силы чтобы вынести на себѣ депутатовъ. Дѣйствительно, съ поразительнымъ согласіемъ всѣ согнули спины и представляли намъ собою образъ римскихъ солдатъ, когда приступилъ они подымали на себя второй рядъ. Мы вѣзли

на спасу нации и, зафіпала иной разъ каблуками головы недовольно нагнувшись, достигли до края амфитеатра высотой футовъ въ шесть, оттуда пришлося спрыгнуть въ залу. Такъково было наше вступление въ собрание избирателей, слушавшее ораторовъ и просителей. Поразительно было зрѣлище представившееся миѳ, когда я оглянулся на амфитеатръ чрезъ который мы прошли. Онъ былъ наполенъ или странными, или ужасъ винчаними фигурами. Всю ночь одни прибывали, другие уходили, устулавъ мѣсто новымъ. Сердце сѣжалось при мысли объ ужасахъ революціи, и перенестъ взоры на бирю избирателей помѣшившися на зетрадѣ на противуподложной сторонѣ зала и недалеко отъ котораго я находился. Купеческій старшина (*prévôt des marchands*), г. дс - Флессель, стоялъ сзади бирю. Ораторы, отвѣчавшіе народу, иногда вѣззали на бирю, когда дѣло шло о какомъ-нибудь общемъ вопросѣ. Было сдѣлано предложеніе противъ зеленої кокарды принятой почтой. Разбойничью компанію пропагандистъ снять ее (*on invite ces bandits de l'ôter*). Нѣть, отвѣчали съ амфитеатра съ прибавленіемъ выразительныхъ эпитетовъ и стучьемъ оружіемъ обѣ посы. Старшина представляла что нельзя вооружаться противъ государя и государства, а потому нѣть надобности въ особомъ знакѣ. Всѣ возобновились. Опять повторилось предложеніе противъ зеленої кокарды. Однажды избиратели говорили: «это конечно по ливреи д'Артуа». ** Дьяволы которыхъ закапываютъ не метутся такъ, какъ заметались при этомъ имени на амфитеатрѣ. Ропотъ дошелъ до краинаго предѣла. — Объявляемъ что не оставимъ этого знака если онъ не будетъ замѣненъ какимъ-нибудь другимъ. — Ну таъ пусть примутъ белую кокарду, заявила я. Новый шумъ, ничего нельзя разобрать. Г. де-Флессель перешелъ въ залу комитета. Поднялась рѣчь о жалованіи участковъ вооружиться и о средствахъ какимъ имъ для этой цѣли предлагаются. Купеческій старшина — членовѣкъ преданный королю и, кроме того, человѣкъ честный. Для меня было важно какъ

* „Вчера, говоритъ Базаль (*Mém. I, 348*), пришли какъ отличительный знакъ зеленая лента. У него не было ленты браамъ аистъ съ деревенскъ. Это было цѣлью прицела (д'Артуа). Сегодня его отговоры; пришли цѣлью города — синий и красный. Постановлено арестовать тѣхъ кто будетъ косить ихъ, не записавшихъ въ участки.“

** Благодѣя сообразительные приписывали ее Неккеру. Дѣйствительно такова была цѣль его новой ливреи. Можно думать что раскрытиемъ ее агенты его партіи путемъ лодыжки. Прим. какъ д'Артуа.

выходить онъ изъ положенія весьма деликатнаго и опаснаго. Онъ говорилъ убѣдительно. Даѣтъ понять что дѣйствительно нельзя видѣть большой опасности для общественнаго спокойствія отъ такой массы людей безвѣстныхъ и хотя плохо, но все-таки вооруженныхъ; что ему кажется весьма благоразумнымъ чтобы порядочный людъ (*les honnêtes gens*) также вооружился, дабы наблюдать за ними, что для этой цѣли достаточно вооружить известное число отъ каждого участка раздавать оружіе поровну; что оружіе пока въ распоряженіи его не находится, но какъ только онъ получитъ свѣдѣніе о какомъ-нибудь складѣ, то немедленно направить его въ Думу и будеть приступлено къ его распределенію. Депутаты участковъ казались очень довѣрчивы. Они не сознавали еще тогда ни того что могли, ни того что хотѣли дѣлать. Отрицательныя слова старшинъ были приняты какъ решеніе вооружиться. Женщины возбуждали, мущинъ, уговаривая ихъ не подчиняться бродягамъ, которые ихъ перерѣжутъ. Миѳиѣ во всѣхъ шестидесяти участкахъ было что надо спѣшить вооружиться подъ предлогомъ безопасности столицы. Тогда не смѣли еще сознаться что дѣйствуютъ противъ власти.

Образование национальной гвардіи.

После обѣда г. де-Флессель, чтобы угодить участкамъ или чтобы привлечь къ себѣ ихъ довѣренность, послалъ свою отставку, о чёмъ говорилъ уже утромъ тѣмъ комъ казались ему наиболѣе благородными. Отставку не принялъ, признавая что мѣсто онъ имѣлъ отъ короля. Большая часть участковъ примкнула къ этому справедливому чувствованію. Флессель остался такимъ образомъ во главѣ избирателей, но было не мало злодѣевъ которыхъ ему сдѣдовало бы болѣе остерегаться.

Мой участокъ получила предложеніе отъ лица державшаго английскій магазинъ, изъявившаго готовность доставить шестьдесятъ двухствольныхъ ружей. Ружья были оценены по десяти луидоровъ (*ils étaient estimés dix Louis aux francs*). Пошли за ними. Желали чтобы участокъ весь принялъ ответственность за уплату. Поднялись споры со стороны наиболѣе желающихъ вооружиться. Ружья оставались въ распоряженіи винесшихъ залогъ. Это были большою частью кальвинисты. Предсѣдателій, г. Маженсъ (*Mangin*),

всехъ отхоженіяхъ было большою непослѣдовательностию. Но г. де-Флессель былъ утомленъ сверхъ мѣры. Однѣ во всемъ Парижѣ поддерживая на своемъ посту интересъ короля, онъ былъ вынужденъ винить Избирателей наладили на него, и кончилось тѣмъ что заставляли подпишивать то что оно не имѣло времени и прочесть.

Въ эти минуты смятения и беспорядка, когда исторгали подписи, и замѣтилъ уломаніе о пикахъ. Ихъ доставалъ слесарь герцога Ораеаскаго.*

Многие изъ пользующихъ милостями короля и привилѣевъ сочли благоразумнѣмъ удалиться. Но купеческій старшина, находя силу и мужество въѣрности, постоянно сохранилъ всѣкоторое хладнокровіе и много достоинства, зналъ что погибнуть на своемъ посту первою жертвой злодѣйствъ со стороны всѣкоторыхъ придворныхъ (de quelques gens de cour) и Национального Собрания и избирателей. Однако онъ остался на посту.

Изъ всего видѣнаго въ эту ночь легко было заключить что возмущеніе идетъ быстро. Куда склонится король? Для безопасности семьи существенно было сдѣлать шагъ за шагомъ за событиями дня.

Вторникъ, 14 июня.

Возстаніе не могло ни прельстить, ни подкупить меня. Честолюбія не было во мнѣ и прежде, когда для удовлетворенія его требовалась угодливость и тщеславіе. Я зналъ что въ телерешной катастрофѣ честолюбіе соединено съ участіемъ въ интригахъ, измѣнѣ королю, пизостью и преступленіями. Меня заставляли призадуматься моя откровенность. Многие приписываютъ ее себѣ, немногіе ее имѣютъ. Моя такова что я едва въ состояніи сдерживать ее въ мелочахъ не имѣющихъ значенія, и совсѣмъ не могу сдержать когда

* „Мы упомянули участки, говорить Дюсо (*Mém.*, 284), фабриковать на счетъ города пики, алебарды и всякаго рода изящное оружіе (*toutes sortes d'autres armes subalternes*), которымъ спаси и отчалихъ умѣютъ появляться въ трудныхъ минутахъ. Пятьдесятъ тысячъ пикъ было сfabриковано менѣе чѣмъ въ тридцать шесть часовъ, и на нихъ можно скотрѣть какъ на главное орудіе нашей народившейся свободы.“

коснется чего-либо противнаго разуму и справедливости. Разума и справедливости тогда не было ни въ обществѣ, ни въ отдельныхъ лицахъ. Равное безуміе влѣко всѣхъ партій. Въ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ сила остается на сторонѣ кинжаловъ.

Въ почѣ на 14 июня * заготовлялись всѣ преступленія слѣдующаго дня. Отовсюду собирали ружья. Различныя военные команды, вслѣдствіе малодушія начальниковъ, покинули или отдавали свои. Предъ революціей въ столицѣ было не мало командъ стражниковъ. Конная и пѣшая стража, приставленная стражѣ, ** городскіе гарды, *** гарды парижскаго губернатора, † гарды Монеталго двора, ‡ отрядъ стрѣлковъ и мушкетеровъ (*le guet à cheval et à pied et la garde de porte; les gardes de la ville; les gardes du gouverneur de Paris; les gardes de la monnaie; les compagnies de l'arc et de l'arquebusine*). Все это вмѣстѣ было арсеналомъ для участковъ.

Такимъ образомъ въ двадцать четыре часа Парижъ, самъ не зная какъ, очутился способнымъ поддержать большее возстаніе.

Ограбленіе Ивалидаго Дома.

Въ восемь часовъ утра я отправился въ собрапіе участка. Благомыслий предсѣдатель старался успокоить волненіе умовъ. Разбирали пресловутый проектъ, принятый почно

* „Я проводилъ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ аббатъ Мореа (*Mém. de l'abbé Morellet*, 2me ed. Paris, 1882; I, 374), большую часть почѣ на 14 июня у моихъ оконъ на улицѣ Сентъ-Оноре, башнѣ Вандомской площади. Видѣла какъ люди изъ самой изысканной черчи, вооруженные ружьями, вертелами, пиками, заставали отворять имъ ворота домовъ, требовали пить, есть, денегъ, оружія. Пушки провозглашены на улицахъ, разобраны мосты, баррикады, набѣть во всѣхъ деревняхъ, внесенная паника изъ опасности слѣдующаго дня. На утро лавки были заперты; народъ сбирался; въ глазахъ и уѣхѣ и злобы. Уже съ того времени понялъ я что народъ явился тиражомъ всѣхъ что-нибудь имѣющихъ, всякой власти, суда, войска, собраний, короля, и что мы можемъ ждать всѣхъ ужасовъ, какіе въ это времена сопровождали подобное владычество.“

** Изъ рабочаго класса. *Пр. д'Агил.*

*** Изъ продавцовъ напитковъ въ предмѣстіяхъ и въ окрестностяхъ; обязанности соединялись съ присланіями. *Пр. д'Агил.*

† Отъ купеческихъ и рабочихъ община. *Пр. д'Агил.*

‡ Тоже. *Пр. д'Агил.*

въ Пале-Рояль—нападение на Ипполидный Домъ. Уже пѣсколько недѣль расpusкали въ средѣ учащихся (онъ ассоциировалъ съ группами д'инструкшн пубlique) слухъ что тамъ находится большое количество ружей. Одинъ артиллерійскій капитанъ уѣхалъ въ кофейной де-Фуа (caf  de Foi) что архиепископъ Ломенъ во время своего министерства вѣрѣлъ перенести ихъ туда около тридцати тысячъ. Предѣздатель старался отѣклонить мысль о нападеніи на Ипполидный Домъ. Меня удивляло какъ купцы и негоціанты, обогатившіеся единственно благодаря потребленію предметовъ роскоши, стоятъ несогласной съ революціонными вкусыми, смѣясь надъ его возраженіями и громко говорили что имѣютъ на своей сторонѣ поѣзду французскихъ гардовыхъ. Во время этихъ преній послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. И сталъ указывать на опасность цѣлыя безъ оружія. „Тѣмъ нужно идти за нимъ“, закричали мнѣ. Мало-по-малу церкви опустѣла. Около десяти часовъ, желая удовлетворить любопытство, я направился по дорогѣ къ Сент-Жерменскому предметѣству. Не безъ удивленія встрѣтился на углу улицы Бюсси отрядъ французскихъ гардовыхъ (compagnie des grenadiers des gardes fran aises), въ порядкѣ, со молодымъ офицеромъ во главѣ. Отрядъ любажаль расхищенію оружія (prot gait l'ensemble des armes); ибо толпа возвращалась съ руѣями, штыками, лядуаками; по улицамъ везли лушки.

Генераль командовавшій лагеремъ у Парижа не дала ви-
какого приказанія войскамъ находившимся на Марсовомъ
Полѣ охранять Ипполидный Домъ отъ нападенія*. Обшир-
ный Домъ былъ обрученъ на глазахъ линейныхъ войскъ, и
комендантъ де-Сомброль вѣрѣлъ отворить рѣшетки, не зная
какъ сопротивляться. Первый успѣхъ восплеменилъ хра-
брость, до тѣхъ поръ напускную. Потребовали выдача ору-
жія, бросились въ склады указаные нѣкоторыми ипполидами,
офицерами и солдатами, какъ заключающіе оружіе.

* „Беззапасъ, фаворитъ, чесовѣтъ настолько нравственное распуш-
ченіе что поручалъ составить пародію на Евгена съ неприлич-
ными эпитетами, былъ генераль-лейтенантъ и командиръ пѣхоты
расположенной на Марсовомъ Полѣ. Онъ, възвѣстивъ интриги, за-
крывалъ галлю изъ происходившія безчинствъ. Этотъ Швейцарецъ
часто посѣщалъ дворъ и бывалъ тамъ въ родѣ старого шута.“ Прим.
кнѣ. д'Агилль. (Изъ Придворныхъ анекдотовъ.) Отныне сѣдѣуетъ при-
знать пристрастными.

Пушечные выстрѣлы были знакомъ этой первой побѣды.*

* Графъ Матьѣ Дюма былъ очевидцемъ вторженія въ Ипполидный Домъ. Вотъ что пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (*R mondes du comte Mathieu Dumas, de 1770—1830*, Paris, 1839; р. 429): „Я вернулся къ себѣ въ Парижъ (изъ Версаля) 13 июля вмѣстѣ съ маркизомъ Ламбертомъ. Его домъ былъ въ Сен-Жерменскомъ предметѣстѣ, а я жилъ изъ дома тестя на улицѣ Тенено (Th nenton). Видъ Парижа былъ мраченъ и печаленъ. Массы пришлихъ бродили, набрасываясь въ Парижъ съ начала восеній, ходили по квартализамъ. Толпы ихъ увеличивались рабочими брошившими свои мастерския. Они захватывали тамъ и съмъ кой-какое оружіе. Маркизы жители убѣгали съ приближеніемъ этихъ скопищъ, издававшихъ матежные крики. Когда я прибылъ къ себѣ въ кварталь въ Сен-Денъ, одинъ изъ населенійныхъ, многие изъ этихъ разбойниковъ распространяли тамъ ужасъ, стрѣляли на воздухъ изъ ружей.“

На другой день, 14 июля, я сѣлъ на лошадь около семи часовъ утра, чтобы отпрѣиться къ маркизу Ламберту въ Сен-Жерменское предметѣстѣ на улицѣ Сен-Гальбомъ. Я былъ остановленъ на Новомъ Мосту противъ статуи Генриха IV, къ шагахъ котораго была прокрытана новая трехцѣпная национальная кокарда. Толпа женщинъ, расположившихся у подножія статуи, продавала эти кокарды и заставляла проходящихъ укрывать имъ. Въ домѣ маркиза Ламбера я узналъ что онъ находится у бордона Безансона, командовавшаго войсками расположеннымъ на Марсовомъ Полѣ. Я тотчасъ отпра-
вился въ кварталь бордона; былъ свидѣтелемъ беззаботности и на-
шателѣяности собравшихся тамъ генераловъ и старшихъ офицеровъ. Герцогъ дю-Шатле, командиръ французскихъ гардовыхъ, былъ тамъ,
также какъ нѣсколько офицеровъ его полка. Кажется, былъ полу-
ченъ приказъ снять лагерь. Сообщали что толпа собирается идти
въ Домъ Ипполидовъ. Шатле разошелся. Мой товарищъ Бертъ,
исполнявший должность начальника штаба, былъ очень затрудненъ
своимъ портфелемъ, и мы имѣли разрешеніе его въ бѣсѣдѣ въ га-
бинѣ сада (aussi all me ensemble l'enterrer dans un bosquet au fond du jardin). Скоро крики принаѣсли наше віннаміе. Мы разомѣшались.
Я сѣлъ сидѣть на лошадь и отпралиася на бульваръ въ домъ Ламбера
на улицѣ Богоматери (rue Notre-Dame). Увидавъ у парадеза (entre les quinconces) Ипполидовъ громадную толпу шедшую съ набережной.
Ею предводили два человѣка въ верхнемъ. Въ рукахъ одного изъ нихъ,
въ арк-брасонѣ падѣть, разваливало большое желтое знамя. Я остан-
ировавшись у рѣшетки возможнѣе ближе чтобы не попасть въ толпу. Ка-
кониры Ипполидаго Дома были при ихъ пушкахъ съ фитильами,
готовыми вы猛烈ить. Командантъ Ипполидаго Дома, графъ де Сомброль,
съ красною лентой черезъ плечо, стоялъ на парапете и при-
казалъ уѣхать готовъ быть дать сигналъ. Въ прибѣзан-

Узнавъ обѣ этомъ, я почувствовалъ стыдъ, какъ будто могъ постыдиться случившемуся. Большая часть участковъ съ неуковольствомъ выѣзжала ружья въ рукахъ черни. Чтобы обезоружить сволочь, требовалась и не представляла трудностей хитрость. Между этими балдунами сынами „націи“, сѣло разнушилися въ опасность, всѣдѣствіе полной и настойчивой измѣны колю, было не мало указывающихъ свою пагодой въ видомъ ихъ освобожденія. Другие, мушкеры и женщины, явно только усмотрѣть было не трудно. Раздѣлѣть, отвѣчая, включить въ отрядъ гардю, узнать изъ какихъ они участковъ было

шайетъ бѣглымъ шагомъ толпѣ наступила минута колебаний. Многіе было около моей лошади между рвомъ и деревнями. Толпа, направляющая сзади, принудила ихъ сойти въ ровъ. Я былъ утѣренъ что будущаясь по скату (*L'escrape fut escaladé*), пушки оставались, рѣвалидный Домъ, бросилась на бульваръ, а я усыпша какъ однажды въ верховыхъ воскрѣсѣ: въ пекарни! идемъ искать оружіе (*à la porte de la boulangerie! allons chercher des armes!*). Дѣйствительно, церкви Иммануилевскаго Дома, былъ складъ оружія, которое и было разграблено. Въ моемъ положеніи мнѣ было трудно подвигаться. Медленно и достичь бульвара. Вижу что останавливаются кареты и выпрягаютъ лошадей, крича что надо вести пушки къ Бастилии. Пришла и моя очередь, и мнѣ грозила серіозная опасность. Меня станица съ лошади, и я попалъ въ канаву между деревнями. Быстро поднявшись, скатился, повозка лошади. Сталъ говорить окружающимъ такъ чтобы подумали что я изъ ихнихъ. Нѣкоторые изъ сѣдовавшихъ за людьми станицами меня съ лошади взяли мою сторону и дали мнѣ возможность снять сѣсть на лошадь. Я сѣдалъ нѣсколько шагонъ вѣхѣтъ съ лошади, и когда толпа напрѣздалась къ пекарне, кричали: „Это измѣнникъ, остановите!“ Раздалось нѣсколько выстрѣта.

Любопытный разказъ, свидѣтельствующій, между прочимъ, о применѣ въ напрѣкіи употреблять ее въ фло и надѣясь подѣлѣвать свою мнѣнію могущество.

лоапційской задачей, которую большинство легко могло предпринять надѣль меньшинствомъ. Такъ и было въ нѣкоторыхъ спокойныхъ кварталахъ. Ихъ отвѣты или лучше сказать ихъ невѣжество относительно того что такое участокъ ловели къ решению переписать ихъ оружіе. Они сложили его, а имъ выдавалось было по шести или по три ливра съ квитанціей. Оно казалось послушными, несмотря за ихъ діавольскій видъ и готовность, повидимому, на все. Деньги у нихъ впрочемъ были. Послѣ взятія Дома, Иванаидовъ стали показываться кокарды трехцветные какъ ливре герцога Орасанскаго.

Взятие Бастилии.*

Большинство разбойниковъ предводимыхъ трактиками возстанія быстро направилось, со своею пѣхотой и артиллерией, на окраину города противоположную мѣсту первой легкой побѣды. Произвѣли нападеніе на Арсеналъ, захватили тамъ нѣсколько досягшихъ и военачальниковъ, обратили въ бѣгство чиновниковъ составлявшихъ мѣстную стражу, чутъ не убили пѣсколькихъ лицъ принадлежащихъ за начальника Арсенала. Нѣкоторые изъ жителей участка спасасъ князь Монбаре вступившаго потомъ, какъ и д'Ормессонъ, въ ряды городскихъ гардю.** Разбойники подошли здание, и этимъ произвѣли большое смятение въ обширной мѣстности называемой Арсеналомъ, занятой тысячью людей разного званія и заключавшей въ себѣ склады угла, дровъ, селитры, пороха и проч.

Отъ Арсенала огромная толпа, ежеминутно увеличивавшася, не замедляла отправиться къ Бастилии, находящейся позади этой мѣстности. Таково было одно изъ первыхъ желаній за-

* Одиссіе взятия Бастилии у кавалера д'Агна сдѣлано кратко. Не распространяемъ его другимъ свидѣтельствами. Отсылаю къ первому выпуску моего сочиненія *Противъ теченія* (стр. 89), где свидѣтельства эта собраны съ нѣкоторою подробностью.

** Нѣсколько дней спустя куріозно было видѣть г. де-Монбаре, бывшаго министра, его сына, а также г. д'Ормессона, бывшаго генераль-контролера финансовъ, вѣтхъ съ чѣхъ лаками, въ караулѣ въ Сент-Антуанскомъ предмѣстѣ, украшенныхъ Орасенскими кокардами. Примѣч. кн. д'Агана.

говорицаковъ. Расположение внутри крѣпости было планировано възвысь. Въ крѣпости, которую можно было сдѣлать настолько неприступною, былъ комендантъ старый мушкетеръ, которому не приходило чтобы оно могло быть атаковано. Съ нимъ были его штабъ, нѣсколько офицеровъ и инвалиды составлявшіе внутреннюю стражу.

Атаковать Бастилию шли не участки: они еще не имѣли никакого единства. Шла случайно изъ ихъ частей образованная масса въ соединеніи съ разбойниками и съ любопытствующими. Та же толпа наполнила площади, улицы Сент-Антуанскаго предмѣстья, бульваръ, кварталъ Св. Павла и улицы окаймляющія его широкіе рѣки. Многіе проникли въ садъ Арсенала.

Несмотря на весь аппаратъ приготовленія, атакующіе, сдѣлавъ нѣсколько вспышекъ и выстрѣловъ, не знали съ какой стороны подступаться, а находившіеся внутри не знали какъ имъ защищаться. Пушки крѣпости, помѣщенные на восьми башняхъ, были направлены такъ что стрѣлять могли только въ городъ, разбить дома, причинить опустошеніе, но не могли вредить нападающимъ помѣщеннымъ внизу такъ близко что на нихъ нельзя было направить вниз орудія. Французскіе гарды были во главѣ предположенной атаки. Расположенные въ окружающей массѣ, они были повсюду. Замѣчено было нѣсколько солдатъ въ красномъ, которые старались дать пушки на башняхъ другое направление. Думали что это были Швейцарцы. Гарды выбѣзъ на крыши сосѣднихъ домовъ и градомъ выстрѣловъ заставили ихъ спрятаться. Депутаты избирателей съ блѣмы знаменемъ направлялись къ Бастилии. Въ это время комендантъ со своей стороны выставилъ блѣмо знамя чтобы вступить въ переговоры. Онь хотѣть знать что предполагаютъ дѣлать. Предполагаютъ что комендантъ, желая сдѣлать безполезное подобіе войны, дать толпѣ нападающихъ войти черезъ первый подъемный мостъ и быстро его поднять. Пользуясь неожиданностью положенія пропикувшихъ такимъ образомъ сотенъ двухъ беззащитныхъ людей, началь будто бы по нимъ стрѣлять. Укрывшись, они бросились въ амбразуры и подъ своды воротъ. Сынша ихъ крики и ружейные выстрѣлы, масса осаждавшихъ извергаетъ страшныя проклятія и хочетъ или погибнуть, или отомстить. Одинъ инженеръ и нѣсколько каноне-

ровъ изъ арміи близъ Парижа, смилившихся съ толпой, чтобы защитить отъ выстрѣловъ изнутри батарею поставленную противъ подъемного моста, маскируютъ ее помощью замѣненной соломы. Осаддѣнныe не видятъ сквозь дымъ, а инженеръ направляетъ пушку на противовѣсь и цѣли подъемного моста. Мостъ падаетъ, между тѣмъ другая толпа проникаетъ въ садъ комендантскаго дома чрезъ бастионъ у сада Арсенала. Столъ быстрый и неожиданный успѣхъ исторгаетъ страшный крикъ: „да здравствуетъ нація!“ покрывающій звуки выстрѣловъ. Толпа съ давкой проникаетъ внутрь крѣпости. Два французскіе гарда первые овладѣли воротами, и скоро зачинительная часть жителей Парижа находится въ той самой Бастилии на которую два для тому паздѣ вспирали съ ужасомъ.

Неболѣе остервенѣльные шаги повсюду въ обширной крѣпости, чтобы найти коменданта и другихъ офицеровъ; захватили тюремщиковъ, дѣлая ихъ своими провожатыми. Комендантъ нашли где-то въ темнотѣ закоулкѣ. Схватили, сорвали съ него орденъ Св. Лудвика; пришлиили его, повесили на грудь одного изъ гардовъ перешедшихъ стѣну и открылиныхъ входъ.

Несчастный маркизъ Делоне становится жертвой ужасныхъ неистовствъ. Его ведутъ въ разодранной одеждѣ, покрытой ударами, исколотаго птицами и шлагами, сквозь толпу, среди ругательствъ, по улицѣ Св. Антонія въ направлениі къ Греческой площади. Страшно становится когда читаемъ въ истории что полѣ прежде лягавшій себя въ этой стоянкѣ мягкимъ и чувствительнымъ, возбуждалъ людей-тигровъ криками адской злобы.

Не только женщины изъ черни, раздѣявши ся чувствованіемъ, по женщины хорошо одѣты, занимавшія окна домовъ, гдѣ вели Делоне, кричали: „надо его жарить изъ огнѣ, разрѣзать на куски.“ Несчастный при каждомъ напосыпомъ ему ударѣ воскликнулъ: „убейте меня скорѣ.“ Передъ нимъ шли варвары съ ножами, неся горсть его волосъ. Имъ аплодировали. Что можетъ быть ужаснѣе, возмутительнѣе, болѣе отвращающе отъ рода человѣческаго какъ арѣнда толпы окружающей жертву обстоятельствъ и своего долга, радующеейся, бьющей въ ладони при видѣ какъ жертву эту волокутъ на смерть. Но всѣкое размышленіе безполезно. Начинается царство преступлений.

Неслыханная убийства.

Небо, безъ сомнінїя, охотно посыпает предчувствіем любопытством посѣднєе доказательство добродѣтели въ полной преданности долгу. Благодара этому, они умѣютъ примиряться съ мыслю о вѣрной смерти и не ищутъ избѣжать еї. Избиратели звали г. де-Флесселя въ Думу. Онъ уходилъ домой обѣдать. Утверждаютъ, у него была мысль что идетъ на смерть. Нападеніе на Бастилию еще не кончилось, его. Было решено что двое чудовищъ * станутъ господствовать въ этой Думѣ, помѣщеніе которой постоянно напоминаетъ позоръ человѣческаго сердца. **

Когда Бастилия была взята, *** при обыскѣ коменданта была будто бы найдена записка со словами: «если нападутъ на вѣстъ, держитесь крѣпко, получите подкрѣпленіе; я забавлю сколочь». По прочтѣніи записки, толпа задѣбѣвъ отдаѣтъ и направляется въ Думу; покизываютъ записку, прописываютъ ее Флесселю. Толпа проникала въ заднюю залу, куда прибылъ купеческій

* Баиль и Лайфистъ, встрѣтившися во владѣніе на другой день. Прим. кн. д'Агил.

Казалось д'Агилъ постоянно изображаетъ Баиль и Лайфиста какими-то извѣргами, хотя уваженній неожиданно революціонеръ Баиль менѣе всего походилъ на извѣрга. Справедливъ, пропремъ, что избрание Баиль было уже предрѣшено до 14 июня. Еще 12 июня, азмента, говорилъ мнѣ за обѣдомъ о рѣчахъ какія держать въ Париже и особенію въ Пале-Рояль. «Знадете ли, ходить слухъ что вы назначены три часа тому назадъ на три года.

** Грековская площадь где казнили преступниковъ осужденныхъ судомъ. Прим. кн. д'Агил.

*** Въ восемь часовъ вечера министры въ Версалѣ еще не знали объ этомъ. Г. Бертье, парижскій члендантъ, выходя изъ кабинета короля говорилъ что Бастилия не взята еще. Виконтъ Мирафо, передумавши съ похоронъ отца, сообщила о событии въ обществѣ гдѣ было больше шотландскаго человѣка. Несмотря на траурный костюмъ и трагическій тонъ, его чуть не приканали за сумасшедшаго (онъ разсказывалъ *manger le blanc des yeux*, по собственному его выражению). Прим.

старшина. Его схватываютъ. Ни избиратели, ни никто маркизъ д'Аль-Сазон, провозгласившій себѣ, вопреки всѣмъ, начальникомъ городскихъ гардунъ, ни Дезодоръ, его майоръ, не оказываются никакого сопротивленія. Придумы, Каміль Лемуленъ и другіе напроповѣдовали народу что отъ властенъ судить и казнить Флесселя ловекамъ на крыльце Думы; поднимаются толки какъ смерти его предать. Въ это время отдаѣтъся какой-то молодой человѣкъ и въ упоръ стрѣляеть изъ пистолета въ Флесселя, говорятъ, такъ долженъ погибнуть измѣнникъ. Затѣмъ исчезаетъ въ толпе. Послѣ распустили слухъ будто Флессель взялъ слово стъ этого молодаго человѣка что толькъ убить его какъ скоро народъ станетъ оказывать ему наслѣдие. Прибавляли будто замѣтили какъ этотъ неизвѣдомецъ поспѣшилъ вертѣлся около Флесселя.

Прибытие коменданта Бастилии послужило отвѣченіемъ отъ первого убийства. Коменданта былъ зарѣзанъ на Грековской площади, и тѣло его, разорванное словно кѣрпушами, брошено въ лужу на площади. Люпюже (Диријет), падъ-майоръ Бастилии (maior de la Bastille), былъ также схваченъ и избитъ. Его крестъ св. Лудовика былъ данъ второму гарду, рапеному при входѣ въ Бастилию. Когда привели на Грековскую площадь пе-частнаго Делольма (Delolme), другаго падъ-майора, одинъ изъ друзей его, когда его вели черезъ грекаду св. Годлля, прописуясь чрезъ толпу и бросаясь къ нему воскликнувъ: «чтѣ вы имъ сдѣлали?» Тотчасъ ударъ дубиной свалилъ этого чувствительнаго человѣка. Мученикъ друбы былъ потоптанъ, ногами. Его пронизали и пропороли штыками на тѣлѣ коменданта; оба трупа долго были кровью игрушкой этихъ людоѣдовъ.

Наслажденіе проливать человѣческую кровь обуяло, познаному, этими каннибалами, почувствовавшими блаженство въ самой измѣнѣнной жестокости. Они желали наслаждаться трофеемъ, къ какому приглашали ихъ филантропы минуты. Пока триумфъ готовился, свершились новые преступленія. При вторженіи въ крѣпость въ суматохѣ иѣкоторые изъ военныхъ, между прочимъ поручикъ (aide-major), бывшій серфактомъ во французскихъ гардахъ, успѣлъ ускользнуть, но всѣколько цвановъ съ ихъ офицерами были захвачены бѣшенными и не могли быть исторгнуты изъ ихъ рукъ. Эти старшины были безжалостно увлечены на Грековскую площадь и повѣшены на фонаряхъ. Одна изъ нихъ, сильный и толстый, защищался

съ удивителью силой. Три раза вздергивали его на веревку и наконоцъ озлъ испустили дыханье, не возбудивъ жалости въ плачахъ. Какая-то женщина воскликнула: „въ чёмъ вина этихъ несчастныхъ?“ Ее окружаютъ, хватаютъ, надѣваютъ веревку на шею и вѣшаютъ на перекладину навѣса (à la potence d'un aiguille), такъ какъ фонари вѣтъ заняты.

Шествіе миамыхъ побѣдителей Бастилии.

Помощью тюремщиковъ и захваченныхъ ключей скоро раскрылись тайны Бастилии.

Тамъ были заключены только пять узниковъ. Въ ихъ числѣ былъ графъ де-Латотъ. Рѣшено устроить шествіе во славу этого дня бѣдствія, наименованаго днемъ побѣды.

Въ теченіе этого времени я былъ въ Пале-Рояль. Сынъ какъ высказывалось желаніе образовать кавалерійскій отрядъ, видѣвъ учениковъ хирургіи (*élèves de chirurgie*) собранныхъ въ баталонъ подъ командой графа де-Моретонъ Шабрильянъ (*Moreton Chabriillant*). Сталъ подтверждаться слухъ о взятіи Бастилии. Мнѣ не вѣрилось. Но подкупные глашатаи возвѣстили что ведутъ паѣнныя. Я хотѣлъ взглянуть, не воображалъ въ какомъ сопровожденіи они явятся.

Шествіе открывалось хорошо одѣтыми людьми пѣдами проводникою: вѣроятно отѣлъ какихъ-нибудь участковъ. Далѣе шли заведомые Думы; Паллуа, Гюленъ, одинъ повѣса изъ малой буржуазіи, извѣстный дебоширомъ, и пять приятели предшествовали, вмѣстѣ съ французскими гардами, многочисленными пушками везомыми на дошадяхъ. Даѣше можно было видѣть списки и ключи Бастилии укрѣпленные на кашкѣ саби. Саѣдовала старый замана, захваченный въ Арсеналѣ, шлаги двухъ жертвъ,—команданта и его помощника; ихъ головы на остріяхъ пикъ съ надписями. Человѣкъ пеший голову Делоне былъ въ синемъ платьѣ съ золотымъ галуномъ (*habit bleu bordé de travers en or*). Черные волосы, обликъ и цветъ лица облачили жителя какой-нибудь южной провинціи. Оба каннибала были въ крови. За ними шли пять заключенныхъ, крайне удивленныхъ, туда смотрѣвшихъ на происходящее вокругъ ихъ. Затѣмъ солдаты разныхъ полковъ и артиллеріи подъ руку съ публичными женщиными, довольно хорошо одѣтыми (*dans certaine élégance*).

Шествіе обошлось дважды садѣ. Ни на одномъ лицѣ, къ сожалѣнію, не прочесть я содроганія при такомъ ужасающемъ

зрѣлищѣ. Раздавались апплодисменты; женщины подхватывали руки разной сволочи чтобы вѣздѣть на столы и пользоваться зѣфѣлицемъ,* тѣхъ оскорблѣвшимъ мои глаза и разказъ о которыхъ лишалъ чувствъ женщинъ достойныхъ этого имени. Шестое убѣдѣ при выходѣ изъ сада остановилось подъ окнами дворца герцога Оралианскаго, наполненными мужскими женскими головами его служителей. И эти толпы говорили имъ радостно: „Ну! Да здравствуетъ нація! Еще не то увидите.“ Такъ этотъ грозный человѣческій потокъ, вытекалъ чрезъ улицы Сент-Оноре, воздаѣлъ почести принцу Бурбонову.

Подкульные ораторы Пале-Рояля, подкрѣпляя себя слушаями убѣдѣ изъ римской исторіи, тоѣзовали слушателямъ о возмѣщенному поведеніи Туліевъ Бруготовъ, о жгучемъ пламени любви къ отечеству или обѣя обязанности рѣзать людей. Тутъ въ первый разъ видѣть въ Теруанѣ де-Мерикурѣ (*Terouane de-Méricourt*), называвшую себя Аиганчикой, когда ее спрашивали, и проповѣдовавшую жалованный ею слушать. Посѣтители клубовъ и кофейныхъ всѣ не взволновались ужасными сценами проноходившими предъ ихъ глазами. Хладнокровно разсуждали о государственномъ долгѣ и обѣ обѣцаніяхъ Национального Собрания, а также Неккера, ликвидировать его безъ налоговъ. Это общее равнодушие къ преступленіямъ, скопившимся въ одинъ день, возбуждало во мнѣ отвращеніе къ Франціи. Съ этой минуты всякий имѣющей возможность долженъ быть, казалось мнѣ, покинуть эту страну. Я не пошелъ въ участокъ, опасаясь обнаружить чувства несогласныхъ съ настроениемъ минуты. Заключился среди семьи моей, сѣй повѣялъ свою тревогу. Меня встрѣтили съ радостью и слезами.

* Авторъ книги *Geschichte der grossen Revolution in Frankreich* (Berlin, 1790), Фредерикъ Шуальцъ, бывшій въ юношески дни въ Парижѣ, разказываетъ что когда посыпало по Пале-Роялю головы Делоне и его помощника (Шуальцъ ошибочно говоритъ: головы Делоне и его помощника (*Шуальцъ ошибочно говоритъ: головы Делоне и Флесселя*), они подѣляли женщину дрожавшую какъ въ лихорадкѣ, но все продолжавшую жадно сѣдѣть на арфацѣ. Шуальцъ посовѣтовалъ ей перестать смотрѣть. „Mon Dieu, cela n'est impossible; c'est plus fort que moi“, отвѣчала она и побѣждала впередъ чтобы вновь посмотрѣть“ (стр. 139).

Середа 15 іюля.

Такъ какъ всікій общественный кредитъ исчезъ, и никто не хотѣлъ мнѣять билетовъ учтнаго банка(billets de la caisse d'escompte), и такъ какъ никому нельзѧ было довѣриться, то я рѣшился самъ отправиться далъ размѣна въ бюро спекуляторовъ этого пеаѣнаго предприятия, имѣвшаго свою долю влїянія на революцію. Я зналъ что въ этотъ день было множество кромѣ меня жалавшихъ сдѣлать то же самое. Бриссо де-Варвиль, президентъ участка Св. Фомы, раздавалъ приказанія какъ властителю всего квартала. Онь окружилъ казначейство и погибненіе банка (le Trésor Royal et l'Hôtel d'escompte) городскими гардами съ присоединеніемъ Швейцарцевъ и ежечасно выставлялъ свои предписанія. Несмотря на его мнѣмые административные таланты, не обошлось безъ столкновенія съ кредиторами банка. Когда я вернулся домой, узнавъ что недовольны моимъ отсутствіемъ въ собраніи участка присыпали за мнѣ много разъ, даже съ вахальствомъ; что соѣди приходили съ жалобами на то что ихъ отрываютъ отъ дѣла посыпалъ на службу. Карабуль, поставленный въ поле-дѣльникъ подъ моими окнами и котораго я съ тѣхъ поръ не посѣщала, оказался весь состоящимъ изъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ такъ они сами себя наименовали и учили рабочій людь, чтобы имѣть солдатъ. Я не хотѣла вмѣшиваться въ эти произвольныя дѣйствія и ссылалась на то что начальствованіе мое было только временное. Въ участкѣ я объявиль что хочу служить въ кавалеріи. Это de facto дѣло меня свободными, подобно тому какъ наименование накапуя главнымъ временнымъ начальникомъ одаго лейтенанта (tenant-colonel), кавалера Св. Лудовика.

Служба городскихъ гардовъ.

Слова и вещи не одно и то же. Революція и ея послѣдствія доказали это. Вооружились, говоря что дѣлаютъ это для общей охраны, а ничто не было такъ вредно какъ это вооруженіе. Безъ малѣйшаго ловода городскіе гарды вторгались въ жилища двадцать и почью. Такъ, отряды отъ разныхъ участковъ одинъ за другимъ отправлялись въ Иссі искать киаза

Первые дни французской революціи.

127

Ламбеска, будто бы тамъ скрывавшагося*. Среди днія останавливали проходящихъ у каждой караулы**. Выходить изъ города значило рисковать жизнью, вѣс ужѣ были готовы вредить одинъ другому (tout le monde déjà se battait).

Все чѣмъ составляла позицію до революціи, участвовало въ возмущеніи. Всѣдно носить трехцвѣтную кокарду, зеленый ленты бросались въ грязь. Замѣчательно какъ тотчасъ начинать средства доставить столько этихъ трехцвѣтныхъ кокардъ. Въ Паде-Ролль ихъ раздавали тысячами. Тамъ была ихъ фабрика. Нарочно были открыты новыми маленькия лавочки, гдѣ кокарды отчаста раздавались даромъ, отчаста получать преимущества.

Патрули украшенные лентами и хохолками изъ перьевъ синихъ, бѣлыхъ и красныхъ (ognées de rubans et d'aigrettes en plumes bleues, blanches et rouges) сновали по улицамъ безъ цѣли и повода. Былъ роль штаба въ Думѣ, но такой странствующій и подвижной что всікій пришедшей причислялъ себя къ нему. Каждый давалъ приказанія, никто не слушался. Городскіе гарды въ общемъ представляли смѣхъ возбуждающее зрѣлище. Это были массы людей всѣхъ возрастовъ и сложеній; горбатые, хромые, кривые были самые ретивые къ этой службѣ. Не умѣли ни ходить, ни носить оружіе. Многие носили лядуки на лѣвой сторонѣ. Это подобіе арміи не продержалось бы двадцати четырехъ часовъ противъ ловко проведенной военной хитрости. Мнію солдатства можно бы разрушить въ первые же дни. Теперь она грозитъ Европѣ разрушениемъ.

Изъ любопытства я прошелъ по Новому Мосту въ Сект-Жеромаское предмѣстье и возвратился черезъ Королевскій Мостъ по улицѣ Комедіи и прилегающимъ пей. Камни были выбраны изъ мостовой. Жителей убѣряли будто королевская кавалерія должна проникнуть съ этой стороны***.

* У жены маршала д'Армантье, гдѣ находилась киагина де-Шиней, пріятельница князя Ламбеска. Прим. д'Алема.

** Ихъ было больше шестидесяти въ столице. Прим. д'Алема.

*** Участокъ Кордеальеровъ открыто выступалъ противъ короля еще со временемъ созывания государственныхъ сословій. Послѣ событія въ Тюльпари онъ собрался однимъ изъ первыхъ, имѣя во главѣ адвоката Дантона. Члены собранія Кордеальеровъ неѣ были революцион-

Камни перенесены въ комнаты, ^{въ} всюду устроены баррикады изъ срубовъ, повозокъ и т. д. (on batticadait partout avec des charpentes, des charettes etc.). Обстоятельства приводили къ тому что король долженъ быть или рѣшаться па междуусобную войну, или отказаться ото всякаго сопротивленія; а это должно было вести къ ряду революцій, благодаря философии проповѣдемой непослѣдовательному народу, характеръ котораго явственно измѣнился, такъ что онъ улыбался только при видѣ несчастія другаго. Во время моего обхода мнѣ слушалось не разъ возмущаться противъ караульныхъ. Это были какието деспоты нарушающіе покой проходящихъ. Я тѣмъ болѣе могъ подвергнуться непрѣятности что не носилъ кокарды. Но я имѣлъ при себѣ свидѣтельство о моемъ временномъ назначении, и это внушительно действовало на людей всегда привыкшихъ повиноваться тому кто сильнѣе. Это въ сущности соглашалось со мною планомъ: въ обходѣ моемъ я хотѣлъ испытать каковы эти наглые люди, нѣкогда дрожавшіе предо всякою кучкой стражи. Я убѣдился что люди становятся дерзки, грубы, злобны, если могутъ безнаказанно пользоваться захватченіемъ власти. Отсюда необходимость въ обществѣ точныхъ законовъ, гарантирующихъ каждого.

Національное Собрание посыпаетъ депутатію къ Парижанамъ.

Тогда какъ лица преданныя королевской фамилии были въ ужасѣ и опѣмѣніи отъ того что происходило въ Парижѣ; тогда какъ король самъ не зналъ истинного положенія дѣла, ибо взятие Бастилии было донесено ему лишь на другой день послѣ событий и страшныя преступленія были ему представляемы какъ простое уваченіе толпы, потому успокоившейся и удовлетворившейся (qui dѣs-lors se

перы первой смы). Они сорвались съ путы всѣ участки лѣвой стороны Сены, тогда какъ Бриссо и герцогъ Орлеанскій сорвали правый берегъ. Примѣръ. Кав. д'Агилъ.

* Въ *Précis historique de la Révolution Française* par Rabaut Saint-Etienne et Lacretelle, Bruxelles, 1818 (поп. ёдит.), стр. 46, читаюмы что въ ночь на 15 июля, «вѣдь дома освѣщены, разбираютъ мостовыя и вносятъ камни въ комнаты. Женщины готовятся побивать ими солдатъ».

trouve totalement calmée et satisfaite); ^{*} тогда какъ, наконецъ, почтенный лицо въ Парижѣ, оставшіяся вѣрными старому правительству, не видѣ сдѣлъ его въ Парижѣ, не знали чѣмъ думать о системѣ Версаля,—въ столицѣ лояліе люди всякаго званія, находя въ революціонной партии по крайней мѣрѣ исходъ своему уму (un débouché à leur esprit), чего не было въ партии royalistes, хорошо разсудили что такое исполнительное положеніе дѣла, какъ беспорядочное вооруженіе, не могло удержаться если не придать ему виду законности и пользы. Члены Національного Собрания отличио это зналъ. Да и никто лучше этого собрания не зналъ дурныхъ намѣреній тѣхъ кто умѣлъ и могъ обманывать Людовика XVI. Никако лучше собрания не была извѣстна правственна слабость средствъ высокостоящихъ лицъ, имѣвшихъ доступъ къ королю и влияніе и остававшихъся ему преданными. Такимъ образомъ Собрание, не опасаясь болѣе обнаружить свою связь со сборищами въ столицѣ, послѣдовало пути указанному вожакамъ, дабы дать имъ уйти отъ королевскаго правосудія, которое они надѣялись уничтожить, и дать ускользнуть заодѣмъ, менѣе ихъ однако виновныхъ. Революціонный комитетъ Собрания отправилъ посланіе къ избирателямъ соединеніемъ въ Думѣ чтобы увѣрить ихъ что они вели себя какъ Римляне и что собранію будетъ предложено выбрать депутатію, которая отправится въ ихъ пѣдѣра.

Въ четыре часа полудня я видѣлъ депутатію Собрания когда она вступала на мостъ (Pont tournant) у Тюильри. Она состояла изъ сорока человѣкъ, половина отъ духовенства и дворянства, половина отъ среднаго согласія. Предводителемъ депутатіи былъ Парижскій архиепископъ, близъ него были Ладафель и Бланкъ. Когда депутатія достигла перестоя дворца, она встрѣчена была посланцами отъ избирателей чтобы привѣтствовать ее. Въ это время голова колонны, образованной собравшимися энтузиастами, повернула направо, и мы—я находился въ колоннѣ—воспали въ улицу Сен-Нинѣзъ, запруженную народомъ. Избиратели повели депутатію въ этомъ направлѣніи, чтобы сдѣлать изъ нихъ свидѣтелями национальныхъ сценъ, которыхъ они тамъ расположили или надѣялись тамъ найти.

* Выраженіе Національного Собрания. Прим. д'Агилъ.

Шестье депутатіи по Парижу.

Предъ версальскою депутацією шли думскіе гарды, прибывши въ Парижъ вмѣстѣ съ депутатами, и думскіе приставы съ медалями на шеѣ въ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, въ знакъ мира (officiers et gardes de la prÃ©votÃ© de l'HÃôtel de Ville, venus à Paris avec elle, ainsi que des huissiers de la chaîne portant des branches d'oliviers). За депутатами многочисленные патруи, пожелавши присоединиться къ кортежу. Депутаціи поручено было письмо короля. Письмо открытое было вручено одному изъ гражданъ, который поднялъ его на острѣ шапки, показывая народу и восклицая: „вотъ письмо короля!“ Ему отвѣчали криками: „да здравствуетъ нація! да здравствуютъ депутаты!“ Стеченіе зрителей на улицѣ Сент-Оноре дѣлало затруднительнымъ другое шествіе, а именно сцену триумфа французскихъ гардовъ, раненыхъ при Бастилии и украшенныхъ крестами Св. Лудовика. Ушибленные лаврами, они сидѣли въ высокихъ колесахъ, томные и отъ ранъ и отъ опьянѣнія. Побѣдители Бастилии, люди 14 іюля, вступили въ вашъ кортежъ привѣтствовать депутатовъ, принося разорванные знамена, которыя они похитили въ Арсеналѣ, объявляя что отвоевали ихъ у деспотизма.

Рѣчь этихъ представителей Сент-Антуанского предмѣстія и обрывки тафты гдѣ едва можно было видѣть пѣськоѣко лихій, драгоценныя остатки великихъ побѣдъ Лудовика XIV и блеска монархіи, прельзали слухъ и зрѣліе Баальи, Лафайета и другихъ главныхъ революціонеровъ. Близъ Шателе шествіе вступило въ толзу, которую безсмысленное любопытство держало въ безздѣствіи день и ночь на Гревской площади. Кортежъ такъ былъ скажъ что депутатамъ пришлось проходить по одиночкѣ.

Рѣчи въ Думѣ.

Депутаты прибывали въ главныя залы Думы. Въ залѣ аудиенцій большая часть помѣстилась на ступеняхъ возвышавшихся съ двухъ сторонъ; амфитеатръ въ концѣ залы былъ измѣненъ, избиратели и ихъ жены заняли лавки вокругъ залы. Нѣсколько депутатовъ появились у бюро избирателей. Тутъ были Баальи, Лафайетъ, Клермонъ-Тоннеръ и проч.

Первые дни французской революціи.

131

Говорились рѣчи, которыя, вмѣсто того чтобы возвратить миръ и спокойствіе, напривлекли были къ тому чтобы увеанить чувство мятежа въ сердцахъ. Послѣ Лафайета отличился Лалли-Толандада * и превзошелъ всѣхъ говоруновъ. Великолѣпныиъ органомъ, онъ съ такимъ энтузиазмомъ декламировалъ разныя необычайности что аплодисменты перешли изъ залы на лѣстницу, съ лѣстницъ на Гревскую площадь. Съ площади были присланы вѣнки (cognettes civiques), изъ которыхъ одинъ несмотря на скромность оратора украсилъ его растрепавшіе волосы.

Содержаніе рѣчей было въ томъ что доброму народу привносится миръ со стороны короля; а духъ—въ томъ что великодушный король долженъ миръ этотъ же принимать. Высказывались надѣжды что народъ, не нарушая мира, сохранить стремленіе къ свободѣ. Его упрашивали, умоляли возвратить миръ королю. Национальное Собрание горитъ де желаетъ быть достойнымъ вашей довѣренности, оно де всѣмъ согласно по жертвовать для вашихъ интересовъ. Удивленому народу говорилось: Мы дивимся порядку вашей полиції **, вашимъ распоряженіямъ ***, плану вашей защиты † и т. д. Съ такими рѣчами, восхваляя отвратительнейшее разстройство общественнаго и политического тѣла, обращались къ возбужденной черни, къ возгордившимся буржуа, къ адвокатамъ и другимъ судейскимъ, возбуждавшимъ непрерывно мятежъ, надѣявшись что восстанавливаются согласіе. Вотъ еще доказательство. Французскіе гарды ‡ устыдились быть въ войнѣ съ королемъ,

* Онь былъ на ступеняхъ съ того боку гдѣ окна залы. Прим. кн. д'Агилла.

** Хваленая полиція эта каждую минуту подвергалась опасности стать жертвой броженія. Прим. кн. д'Агилла.

*** Потомъдому рѣчь идетъ о раздаче никъ и кокардъ. Прим. кн. д'Агилла.

† Разграбление оружія въ Арсеналѣ, въ Извѣсионѣ Домѣ, въ копоринскомъ складѣ (garde-meuble) гдѣ находилось вѣсма драгоценныя вещи. Чѣо скакали бы эти господа есаубы выстроили изъ пушекъ по ихъ каретамъ? Безъ сомнѣнія—мудрость вашего назнанія: ко всему требовалось относиться оптимистически. Прим. кн. д'Агилла.

Междудохощенными складѣ пощами были дивъ серебряными пушки, подаренные Сіамскимъ королемъ Лудовику XIV (Weber Met., I, 371).

‡ Значительное число гардовъ нуждались только въ посредничествѣ чтобы вернуться на путь вѣности или по крайней мѣрѣ повиновенія

пригласил свою замену в залу — чтобы принять участие въ мирѣ короля (ronc avoir part à la paix du roi). Ораторы ихъ высказали нечто въ родѣ извинения. Лафайетъ отвѣчалъ что быть вѣрнымъ націи не значитъ быть виновными; что посты ихъ защищать Парижъ. Балы, смотрѣвшій уже завоевателемъ города, далъ понять что людимъ обезпечившимъ побѣду свободы нечего говорить объ амністіи. Толландъ подкрѣпилъ его, утверждая что нечего говорить о прощаніи тѣмъ для кого дѣйствующими пружинами были усердіе долгъ и преданность отечеству. Затѣмъ депутаты и солдаты разсѣялись. Кровь струившаяся вокругъ этой арены новой философіи была позорнымъ доказательствомъ враждебныхъ аасії сильного надъ слабымъ, что всегда ужасно. Одобрение со стороны всѣхъъ политическихъ депутатовъ довольно показывало что начатая война велась прямо противъ монарха. Оправдывать ея необходимость предъ развращенію уже толпой значило утверждать чернь на пути преступленія.

Те Deum.

Значительная часть добрыхъ парижскихъ буржуа очень радовалась прибытию депутатіи, полагая что Национальное Собрание приспало ее единственно изъ желанія сдѣлать угодно королю и чтобы возстановить гармонію между государствомъ и плодоносными. Тогда, да и потомъ, разсуждавшіе по-видимому разумно были на тысячу лѣтъ отъ дѣйствительного разума дня. Архиепископъ Парижскій, благочестивый и преданный монарху, также обманывалась относительно депутатіи. Прервать этотъ выѣздъ съ нѣкоторыми другими пожелала чтобы въ каѳедральномъ соборѣ было отслужено молебствіе. Извѣстили духовенство чтобы сдѣлало приготовленія. Избиратели и другіе, переходя изъ буфета въ залу гдѣ произносились рѣчи и узявши что депутатія отправляются въ церковь Богоматери, пожелали направиться туда же. Двигнувшись среди массы любопытствующихъ. Французскіе гарды разчищали путь. Я слышала какъ нѣкоторые изъ участниковъ шествія говорили народу: «просите Неккера». И народъ начинать кричать: «Неккер! да здравствуетъ Национальное монарху, но оно было отдано на воюю заговорщиковъ. Прим. кн. д'Агилла.

Собрание! «Избиратели и депутаты повторили кабалистическая слова: „Неккера, да здравствуетъ нація!“ У входа въ соборъ уже выстроены были французскіе гарды и Швейцарцы съ музыкой. Гарды же — французскіе, и городскіе — окаймляли среднюю часть церкви. Соблюдалась порядокъ, звонъ всѣхъ колоколовъ возвѣщалъ о религиозномъ торжествѣ.

Молебствіе было совершено со всламененіемъ причастіемъ среди массы людей восплемененныхъ побѣдой которую праздновали. Къ церемоніи относились съ двухъ точекъ, смотря по добруму или злому настроению совѣтства присутствовавшихъ. Одинъ изъ причетниковъ вручилъ мнѣ кокарду.* Я не ношу таковой. При выходѣ изъ собора можно было видѣть духовныхъ лицъ, даже епископовъ подъ руку съ гренадерами. Соединеніе несомнѣнно было съѣдѣствіемъ страха внушенаго громаднымъ скопленіемъ народа. Но народъ принялъ это за предѣлѣстъ справедливаго равенства, о которомъ уже начали говорить. Радость выражалась кликами: «да здравствуетъ нація!» Торговки, которыхъ потомъ стали звать дамами націи (dames de la nation), окружали идущихъ, поперемѣнно цѣлая то гренадеръ, то прелата.**

Революціонарная откровенность.

Въ архиепископскомъ дворцѣ Балы и Лафайетъ были заняты вопросомъ о захватѣ управления столицей. Тамъ же были нѣкоторые изъ предводителей партій. Предупреждалось что Балы будетъ меромъ, Лафайетъ военнымъ начальникомъ. Отвѣчали: такъ да будетъ. Такъ справедливо что люди естественно стремятся къ повиновенію. Избиратели вернулись въ Думу, и чрезъ посредство постояннаго комитета,

* Можно было замѣтить что кокарда вышита не изъ магазинной Филиппа Ораэлискаго. Его кокарда была изъ трехъ разныхъ частей бѣлого, густо синаго и густо краснаго цвета, какъ на его ливреяхъ. Кокарда о которой говорю была изъ широкихъ бѣлыхъ ленточекъ связанныхъ въ срединѣ подсоками розовой и синѣто голубой. Прим. д'Агилла.

** Бельгийскіе, архитекторъ зданій и садовъ принца д'Артура, живший въ этомъ зданіи состоялъ, отличающимъ революціонными чувствованіями. Будучи президентомъ участка Сен-Жозефъ, онъ выдалъ пріказъ касающийся рынковъ въ торговокъ. Торговки въ пріказѣ были называны дамами націи. Прим. д'Агилла.

денко и вошло заставившаго въ Думѣ, проповеди власть законодательную, исполнительную, административную и судебную. Национальное Собрание предупредительно стремилось произвести стакновение избирателей съ участками и желало дать имъ вождя преданныаго исключительно ему, тогда какъ избиратели раздавались имѣть своего вождя чтобы укрѣпить власть въ своихъ рукахъ. Балы отправился въ ихъ среду и полу чаль тамъ братскій поцѣлуй, сдѣлавшися потомъ отапчительнымъ знакомъ общности въ вѣроломствѣ между цареубийцами (*signe d'une reconnaissance de perfidie entre les r閜icides*).

Я не мало разговаривалъ съ депутатами. Многие, которыхъ считали людьми заслуживающими уваженія, посѣ выказали себя въ революціонномъ духѣ. Я узналъ что было проще обличить, чрезъ вѣскоѣко дней, въ собрании семь лицъ: королеву, графа д'Артура, принца Конде и его сына, г. Барантена, княгиню де-Ламбаль и воспитательницу королевскихъ дѣтей (*gouvernante des enfants de France*). Яростными обличителемъ долженъ быть явиться человѣкъ, потому что было показавшій себѣ достойныи мерзкаго заговора. Я узналъ потому что Лафайетъ орудовалъ среди всѣхъ партій, что онъ надѣлся сдѣлаться генералиссимусомъ мя тежа (*généralissime de l'insurrection*) и питалъ въ себѣ это честолюбіе. Это былъ человѣкъ слабый характеромъ, педантичный умомъ, фальшивый. У него былъ въ археологістѣвѣ кто-то Нуаре, приставъ въ Национальномъ Собрани, а прежде, до соединенія сословій, состоявшій при палатѣ дворянъ. Лафайетъ сдѣлалъ его своимъ эмиссаромъ. Въ этотъ вечеръ я въ томъ убѣдился: Нуаре бѣгъ по порученіямъ, посыпалъ въ разныи стороны секретныи письма будущаго генерала Парижа. Лафайетъ съ великимъ уваженіемъ предавалъ мешкимъ поискамъ. Рассыпалъ по участкамъ извѣщеніе о своемъ избрания.

Наиболѣе поразительный фактъ первыхъ днѣй революціи въ Парижѣ, рѣзко выступающей и въ запискахъ кавалера д'Агилы, есть оказавшееся въ столицѣ, всего болѣе заботливой правительство, внезапное исчезновеніе всякой правительственной власти, захваченной или точно взятой не только безъ сопротивленія, но даже безъ всякаго усилія толпой избирателей,—людей если и не прямо съ улицы, то изъ самого среднаго класса жителей, съ говорушами, преимущественно изъ юрисконсульта и вообще судебнаго мѣра, во главѣ.

На разстояніи какихъ-нибудь двадцати верстъ, въ Версалѣ—король, дворъ, все государственное управление, собраніе представителей націи; при окраинѣ Парижа многотысачное скопленіе войскъ, передовой лагерь которыхъ расположено на Марсовомъ Полѣ, а въ самой столицѣ полная анархія; въ массѣ паника, въ умахъ возбужденныхъ событий подобіе мужества — фальшивое вслѣдствіе отсутствія сопротивленія и серіозной опасности. Оттого напереди храбрецы которые попрятались бы въ цели будь настоящая борьба. Какъ образовалася такой первоначальный порядокъ вещей?

Въ Парижѣ были губернаторъ, интенданты, оберъ-полицеймейстеръ (*Lieutenant de police*, должность занимавшаяся статскимъ лицомъ), были парламентъ и судъ Шателе, властию относившиеся къ полиціи; были особы управления Тюильри, Люксембурга, Императорскаго Дома, Арсенала, Бастилии. Министръ двора (*ministre de la Maison*) распоряжался и имѣлъ пѣкоторыи управлія въ своемъ распоряженіи. Власти кажется было довольно.

Полицейская охрана Парижа возлагалася на полицейскую стражу (*guet*), отчасти лѣшую, отчасти конную. О составѣ ея мы прочли выше пѣкоторыи указаія кавалера д'Агилы. Въ помощь полнціи была воссоздана сила, призывающаяся по распоряженію полицейского начальства и дѣйствовавшая въ такомъ случаѣ по его указаніямъ. Военную силу составляли полки французскихъ гардовъ и двѣ роты (*deux compagnies*) швейцарскихъ гардовъ, всего отъ семи до восьми тысячъ. Гарды были расположены въ казармахъ. Они держали караулы во дворахъ, исполняли патрульную службу, отряжались на помощь полнціи въ театры и на гуашни. Полковникъ французскихъ гардовъ при дворѣ пользовался большимъ значеніемъ чѣмъ парижскій губернаторъ, хотя въ іерархіи стоялъ ниже его. Военная сила очевидно была достаточна чтобы держать городъ въ порядкѣ.

Итакъ властей и средство было не мало, но власти действительной не было. Губернаторство въ прежнее время имѣло большое значеніе, по предъ революціи обратилось въ почетную должность. Тогдашия политика, замѣчаетъ въ своей запискѣ Ленуаръ, ¹ самъ бывшій оберъ-полицеймейстеръ, занималась тѣмъ чтобы уравновѣшивать власти, то повышая однѣ, то понижая другія.² Губернаторъ выѣзжалъ на торжества сопровождаемыи своими особами гардами (ихъ было пятьдесятъ человѣкъ). Парижскій интенданть действовалъ въ своемъ ограниченномъ кругѣ и не имѣлъ такого значенія какъ интенданты въ провинціяхъ.

Въ протоколахъ засѣданій собрания избирателей о губернаторѣ и интенданте упоминается одинъ разъ и то мимоходомъ, въ заявленіи одного изъ участковъ. Эта лица какъ бы не существуютъ. Оберъ-полицеймейстеръ покорно явился по первому зову собрания. Оберъ-полицеймейстеромъ былъ тогда г. де-Кроль (de Crose). Его первоначальная карьера была судебнаго. Онъ былъ адвокатомъ при судѣ Шателе, затѣмъ советникомъ парламента и рекетмейстеромъ (maître des requêtes).

Огромное значеніе по отношенію къ упраздненію мѣстной власти въ столицѣ имѣли дѣйствія парламента и вообще судовъ, игравшихъ въ послѣдніе годы, въ осѣщаніи своей борьбы съ правитѣльствомъ, роль авантюра революціи. Теперь парламентъ стушевался, но въ 1787—1788 годахъ его роль была преобладающей. Уличные беспорядки въ эти годы были первѣкимъ явленіемъ. Какъ относился къ нимъ парламентъ и чѣмъ приобрѣталъ свою популярность, оказавшуюся столь преходящей? Достаточно припомнить что было въ августѣ 1788 года по случаю отставки Бриена и Ламуаньона и назначенія министромъ финансовъ вновь Неккера. Сожигались изображенія уволненныхъ министровъ; площадь Дофина, по выражению Безансона, походила на поле битвы по громадному количеству брошенныхъ листардъ. Толпа хотѣла поджечь домъ Ламуаньона, когда это не удалось, бросалась съ тою же цѣлью къ дому графа Бриена, брата уволенного ministra-архіепископа. Потребовалась военная сила. Произошли столкновенія, нападеніе на домъ начальника внутренней стражи; были убитые и раненые. Парламентъ, пишетъ въ *Annales*

¹ Записка Ленуара помѣщена въ третьемъ томѣ *Mémoires tirés des archives de la police de Paris*, par Peuchet. Paris, 1838. Приводимыя нами сиѣднія обзъ управлений Парижа заимствованы изъ этой записки.

Françaises Саллье ³, счѣль обязанностію собрать свѣдѣнія о происшедшемъ, и первое послѣ того собрание его обратилось въ возданіе почестей черни. Начѣмъ не оправдываемое безпорядочное волненіе, сцены крайняго буйства представались нечестивыи въ глазахъ парламента, а обвиняемыми являлись полицейскіе офицеры и военные начальники. Декламація воїаковъ партіи были повторляемыи судебнагиіи словононіями. Они говорили, какъ бы въ священному негодованію, о преступной стрѣльбѣ въ народъ, о неизвѣстности, но надо же думать громадному числѣ убитыхъ и раненыхъ. Рисовали картины какъ солдаты будто бы не умирала мятежныхъ, но безразлично набрасывались на всѣхъ проходящихъ и т. д. Послѣдствіемъ этихъ рѣчей былъ призывъ къ рѣшѣткамъ парламента оберъ-полицеймейстера и начальника внутренней стражи (comptendant de guet). Ихъ призвали среди засѣданія. Народъ, наполнившій залы, нагло ликовалъ. Приватные сановники были оскорблены при проходѣ; надо было тайкомъ проводить ихъ изъ засѣданія чтобы спасті отъ ожидающихъ оскорблений при выходѣ. Парламентъ заключилъ засѣданіе постановленіемъ подвергнуть расплатѣванию не сбираца и мятежныхъ дѣйствій, но превышение власти со стороны полиціи и внутренней стражи. Другимъ постановленіемъ, болѣе благоразумнымъ, воспрещалось сбираца и пускание ракетъ. Но чтобы не потерять расположения толпы, въ томъ же постановленіи прибавлено увѣщаніе полиціи обращаться съ народомъ гуманно, благоразумно и умѣренно. Народъ такъ хорошо понялъ постановленіе что сбираца и шумныхъ выражженій продолжались попрежнему, полиція и стража были праильно каждый вечеръ оскорблены.

Революціонное воспитаніе народа принесло свои плоды, когда наступили дни военныи, и власть оказалась исчезнувшою. Самоуправлѣніе мѣстной власти было отраженiemъ самоуправлѣнія власти центральной. Съ злого Национального Собрания центральную власть можно считать упраздненою. Истина, говоритъ конституціоналистъ Рабо Сент-Этьенъ въ своемъ *Очеркѣ французской революціи* ⁴, была въ томъ что королевская власть была приостановлена (*suspendu*) на время когда представители народа составляли новую конституцію.

³ Peuchet, III, 177.

⁴ *Précis d'histoire de la Révolution Française* par Rabaut St. Etienne et Lacretelle. Nouv. edition. Bruxelles, 1818, стр. 57.

Собрание, впрочемъ, не осмѣялось произнести этого слова. По выражению многихъ членовъ, оно набросило религиозное покрывало на эту вѣжливую, но опасную истину.²

Въ Парижѣ избиратели поняли себя органами нового верховнаго правительства, отрѣшившаго монархію отъ дѣлъ.

Баыль пытается захватъ власти избирателями, и съ оправдываетъ его довольно оригинальнымъ образомъ (*Mém. I.*, 329). Онъ говоритъ что въ минуты парижской ланки, когда „можетъ было не признавать никакого закона, кромѣ закона необходимости, уваженіе къ закону было настолько сильно что не думали чтобы народъ могъ вооружиться безъ какого-либо распоряженія власти (*sans autorisation quelconque*). Въ эти минуты повторямы требование о вооруженіи народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость и опасность вручили власть избирателямъ.“

Въ запискахъ Дюсо находимъ болѣе простое поясненіе этого оригинального „врученія власти“.

Парижскіе избиратели были собраны въ концѣ апрѣля 1789 года въ зданіи Архиепископства (*l'Archevêché*) для выбора депутатовъ въ Собрание отъ третьего сословія. Выбрали депутатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ засѣданіи 10 мая самовольно—какъ все дѣжалось въ эту эпоху—постановили не расходиться пока будетъ продолжаться Собрание сословныхъ представителей, чтобы имѣть возможность давать своимъ избранникамъ новыя наставления. Это было совершено не законо. Тѣмъ не менѣе засѣданія продолжались пока наконецъ правительство рѣшилось объявить Собрание распущеніемъ, и зданія Думы и Архиепископства были закрыты для избирателей. „Утверждали, пишетъ Дюсо, “что наши полномочія кончились. Но мы думали иначе и дѣйствовали сообразно нашему убѣждѣнію, увѣренны что истинные граждане всегда имѣютъ право спасать отечество. Но гдѣ было намъ собираться? Залы Архиепископства и Думы, по отправкѣ депутатовъ, были для насъ одинаково заперты. Опасаясь потерять плоды нашихъ первыхъ трудовъ, мы осмѣялись 25 июня, подъ бдительнымъ (?) глазомъ служителей деспотизма встревоженныхъ болѣе чѣмъ когда-либо, собраться среди бѣлаго дня въ числѣ двухъ или трехъ сотъ въ залѣ Музея на улицѣ Дофина, занятой подъ трактирное помѣщеніе. Зала эта прежде служила для литературы

турныхъ собраний, но тогда была снята трактирщикомъ. Мы нашли тамъ свадебную пиршку съ восемидесятю приглашенными. Какъ только они узнали что здесь сегодня привезло, всѣ—мусцы, щеки и до дѣтей включительно—тотчасъ удалились, рассыпывая листъ и поздравляя. Трактиръ подобно Версальскому манежу для игры въ мячъ (*Jeu de paume*) послужилъ колыбелью нашей рождающейся свободы.“

Одна изъ членовъ импровизованаго собрания доказывала что избиратели имѣютъ право требовать чтобы двери Думы были имъ открыты. „Идите за мною!“ заключилъ ораторъ. „Грайдане, куда бѣжите“ воскликнула другой. „Вспомните что народъ толпящійся вокругъ сей ограды, любящій и чтущій вѣстъ, ждущій результатъ вашихъ преній, немедленно пойдетъ предъ вами. Сорокъ тысячъ человѣкъ оскорблѣнныхъ откажутъ едва лины ихъ представителямъ, разобьютъ стѣны древняго убѣжища вашего, и можетъ-быть разрушатъ дворецъ парижской общины (*le palais de commune*). Развѣ не видите что всяко насиліе подвергнетъ опасности городъ и компрометируетъ Национальное Собрание. Ночь приближается. Остайтесь здѣсь, забытъе нашимъ величественнымъ проектомъ. Головой отѣчу, завтра вы получите то въ чёмъ сегодня вамъ отказано.“ Послушались соглашія. Начались рѣчи. Одни молодой человѣкъ говорившій „мудро и зрѣло“, вдругъ воспламенился и закричалъ: „къ оружію!“ Одни содрогнулись, другие съ улыбкой ему замѣтили: „молодой человѣкъ, еще не время; отложите предложеніе на двѣ недѣли“.

Таково въ сокращеніи куріозное описание Дюсо первыхъ подвиговъ избирателей. Авторъ падокъ на литературные краски, но и сквозь нихъ не трудно усмотрѣть характеристическая черты анархической игры, участники которой воображали себѣ бойцами за свободу противъ деспотизма, тогда какъ на дѣлѣ были орудіемъ, въ большинствѣ безосзательными, матеѣка вызванного правительствомъ отказавшимися отъ себя и обнаружившимъ всю свою ничтожность въ минуты сильнѣшаго политического возбужденія страны, имъ же подражавшаго.

13 июля мы находимъ собрание избирателей уже властившимъ: за самоуправлениемъ правительственної власти, они оказались единственными властю въ столице. Первымъ слова протокола гласятъ: „Собранию доложено чтоoberъ-полицеймейстеръ проситъ о доложеніи его въ собрание чтобы сообщить согражданамъ, согласно приглашенію полученному

* *Mém. de Dussaulx*, стр. 269.

имъ всѣдѣствіе состоявшагося въ это утро постановленіи обѣщаго собрания избирателей, тѣ свѣдѣнія какія онъ имѣть относительно средствъ къ обезспеченію продовольствія столицы. Обер-полицеймейстеръ бывшъ выѣхѣлъ купеческими старинными королевскими прокуроромъ города (procureur du roi et de la ville) и гасасыемъ (échevin), и изложилъ что спаображеніе столицы припомѣни отъ него не зависѣтъ; что на него возложено лишь равномѣрное распределеніе привозимаго въ Парижъ (distribution égale de tous les commestibles qu'on amenait à Paris).⁴

Такимъ образомъ правительственные агенты являются какъ подчиненные въ собранию, призываю правителюмъ за не законное! Затѣмъ, какъ видно изъ протокола, Думу наводятъ депутаты отъ участковъ со своими заявлениями (подробности мы читали выше въ описаніи д'Агата). Требуютъ учрежденія городскихъ гардовъ (garde bourgeois, называемыхъ потомъ националь-гардами); просить оружія и военныхъ запасовъ. «Все это производить, записано въ протоколѣ, невыразимы сумятицу и толкотню (on tumulte et une confusion inexprimables).»

Являются депутаты отъ судебныхъ пасловъ (clercs du ralais) съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ отряда вооруженія; то же предлагаютъ клерки суда Шателе (clercs du Châtellet), высказывая что смотрѣть на избирателей „какъ на истинныхъ представителей гражданъ Парижа (des bourgeois de Paris) въ минуты когда свобода депутатовъ связана“. Отъ имени учениковъ хирургіи (élèves de chirurgie) является главный хирургъ больницы Шарите.

Приходили французскіе гарды, накапливъ участвовавшіе въ столкновеніи толпы съ войскомъ, утромъ шатавшіеся по участкамъ. Собрание есть увлечениемъ аллюдируетъ чувствамъ сихъ храбрыхъ воиновъ⁵, шель посланцевъ по казармамъ съ выражениемъ благодарности и чтобы усвоиться съ изъявившими.

Начальникъ мѣстной стражи отъ имени своей команды заявляетъ подчиненіе собранию и готовность исполнить его всѣянія на защиту города. Какой-то неизвѣстный является съ сообщеніемъ что многие солдаты расположенные у Парижа готовы оставить ряды и явиться защитниками города. Сообщеніе оказывается невѣрнымъ. Приносятъ массу листьевъ, неизвѣстно зачѣмъ захваченныхъ при заставахъ. Поднимается вопросъ прямо ли распечатывать письма и читать вслухъ,

или поручить предѣдателю ознакомиться предварительно съ ихъ содержаніемъ и сообщить то что найдеть нужнымъ. Рѣшено читать вслухъ, такъ какъ для пользы государству есть секретовъ. Читаютъ. Письма оказываются самаго невинного частнаго содержанія. Ссылаясь на задержанными экипажами и повозками, привозимыми на площадь передъ Думой, описаны кавалеромъ д'Агата, подтверждается протоколомъ.

Почто, когда у бора осталось только нѣкоторые представители постолааго комитета избранного собраниемъ для управления дѣлами, приходитъ каки-то темные личности съ разными вѣстями, оказывающимияся ложными. Къ утру въ разныхъ мѣстахъ въ Думѣ найдены спящими до полутораста бродягъ „улившихся виномъ и водкой“, какъ называется въ протоколѣ.

Не трудно замѣтить что главная нить происходившаго въ собраниіи избирателей и вообще въ Парижѣ шла изъ Версаля отъ революціонныхъ вожаковъ Национального Собрания. И 13 юла нѣкоторые изъ избирателей по порученію товѣрицей были въ Версаліи, и вернувшись оттуда подробно сообщали—какъ записано въ протоколѣ—о происходившемъ въ резиденціи двора и представителяхъ націй, о словахъ короля, рѣчахъ и постаравшіяхъ Собрания. Отъ вожаковъ революціи шла мысль о вооруженіи Парижа и учрежденіи националь-гардовъ. Вернувшись изъ Версаля избраторы припесали между прочимъ записку, переданную имъ въ Национальномъ Собраниѣ въ которой однажды изъ депутатовъ, „Люпинъ, conseiller d'état, кавалеръ ордена Розы“, и его сынъ предлагали свои услуги въ случаѣ учрежденія городской милиціи (milice bourgeoise).

Избиратели хладнокровли, но ни они и никто въ Парижѣ не ожидалъ чтобы правительства власть оказалась столь слабою, какъ это обнаружилось на дѣлѣ, посѣдѣ певѣроятныхъ успѣховъ мятежа, увѣличившихся взятіемъ Бастилии. Истиннѣю слабость властичувствовалась всѣми; въ маѣтѣнныхъ рядахъ внутренне присутствовала увѣренность что ничего рѣшительнаго со стороны власти не послѣдуетъ, и это придавало жару и дерзости; въ то же время силу демотизма, которую якобы предстояло сломить, усиленно выставляли какъ нѣкоторое страшилище.

Страшилище одаю боѧлось собственной тѣлой. Идея власти была разрушена въ умахъ. Всякое проявленіе власти дѣйствительно существующей, исторически сложившейся, отождествлялось съ ненавистнымъ деспотизмомъ. Такъ

смотрѣли на власть не подчиненные только, но и тѣ кто ее имѣлъ: правящіе классы, министры, градоначальники, военачальники. Господство должно принадлежать только разуму (не опредѣлялось чьему; подразумѣвалось: не отдельного лица, а нѣкоторому неопределенному, коллективному); подчиненіе должно быть слѣдствиемъ убѣжденийъ, а не принужденіемъ. Власть казалась унаследованнымъ капиталомъ нечистаго происхожденія: однимъ представлялось что надлежитъ пользоваться имъ на свою выгоду, не стѣсняясь мыслью о его источникахъ; другимъ—что надлежитъ искушать асправду пріобрѣтенія благотворицъ, мягкихъ, выкупавшихъ подъзываніемъ.

Но какъ ни слаба была власть, она имѣла однако въ распоряженіи своеи еще могущественное средство, къ которому казалось естественнымъ должна была прибегнуть въ трудныя минуты. Она имѣла въ рукахъ значительную военную силу. Роль военной силы по отношенію къ революціоннымъ событиямъ заслуживаетъ особыго вниманія.

Революція вообще шла двумя путями: путемъ возбужденія умовъ чрезъ ораторство и постановленія въ собранийхъ и чрезъ связанный съ ними общественныи говоръ, и путемъ мятежа на улицахъ. Ораторство было подготовленіемъ, мятежъ рѣшающимъ аргументомъ. Затѣмъ новое дальнѣйшее возбужденіе, завершающее новымъ мятежомъ. По такой схемѣ шло события со ступенемъ чрезъ историческіе „дни“ мятежа. Торжество и успехъ аргумента ломоющію мятежа обусловливались отсутствіемъ сопротивленія. События или такъ какъ будто въ странѣ не было воинской силы. На самомъ дѣлѣ сила эта была многочисленна, но значительная часть ея находилась уже въ состояніи революціоннаго разложенія. Пугливое и неспособное правительство Людовика XVI преувеличивало степень этого разложения и считало вовсе невозможнымъ опереться на армію. Это было одною изъ роковыхъ ошибокъ. Довоенно крѣпкая доля арміи были еще вполнѣ надежны, да и самое разложеніе было скорѣе явленіемъ крайней распущенности, чѣмъ дѣйствительною порою воинаго духа.

Есть сочиненіе, мало известное, говорящее о событияхъ первой революціонной эпохи не въ Парижѣ, а въ Страсбургѣ, по которому, кажется намъ, блаше чѣмъ какое-либо другое знакомить со внутреннимъ состояніемъ французской арміи въ дни революціи.

Сочиненіе это—Записки Даммартена, озаглавленныя: *Событія произошедши на моихъ глазахъ во времена Французской революціи, изданныхъ въ Берлинѣ въ 1799 году и посвященіеъ „покойному королю Пруссскому“ (Фридриху Великому).** Здѣсь находимъ любопытныи описанія и указанія, которые вводятъ насъ въ процессъ разложенія какому подвергались армія въ эпоху когда подготавливались и потомъ свершились события 1789 года. Замѣтимъ изъ Записокъ нѣсколько чертъ. Онѣ настолько рѣзки что не нѣждутся въ комментаріяхъ.

Во время юлійскихъ восстаний авторъ служилъ въ войскахъ находившихся въ Страсбургѣ. Когда пришла вѣсть о негаданномъ успѣхѣ парижскаго восстания и о взятіи Бастилии, она произвѣла въ Страсбургѣ, какъ и повсюду, поразительное впечатлѣніе. Вѣсть, согласно правительствувшему настросюю, принятая съ восторгомъ какъ лоббъда „парода“ надъ деспотизмомъ. Но радость скоро смѣнилась безпокойствомъ. Съ быстротой разнеслись лущеные слухи о шайкахъ разбойниковъ соединяющихся чтобы грабить и убивать. Въ три часа дня бывать тревогу. Отрядъ къ которому принадлежалъ авторъ Записокъ садится на коней и направляется на площадь предъ городскою думой. По пути встрѣченные жители умоляютъ послышать, говоря что разбойники уже заняли важныи пункты. Въ то же время нѣсколько лицъ хорошо одѣтыхъ, весьма повидимому спокойныхъ, обращаются къ начальнику отряда съ советомъ раздать оружіе гражданамъ гордимъ де желаніемъ раздѣлать опасность для съ дорогими братьями воинами. На площади такое зрѣлище. Восемь тысячъ человѣкъ съ пушками, выстроенные въ боевомъ порядкѣ, сложа руки смотрятъ какъ на глазахъ ихъ грабить здчіе Думы. Люди въ лохмотьяхъ, видимы въ окнахъ, ломаютъ и выбрасываютъ все попадающее подъ руку. Обломки мебели летятъ въ отрядъ. Начальникъ войскъ, генералъ Ришамбо, еще не показывался. Нѣкогда храбрый и достойный офицеръ, онъ, среди правительственнои и всяческой безурадицы эпохи, побѣдно большинству начальствовавшихъ того времени, чувствовалъ себя въ состояніи безвѣднаго безсилія, теряясь въ хаосѣ слуховъ и предположеній. Разказывали что гарнизонъ

* *Evenements qui se sont passés sous mes yeux pendant la Révolution Française, ouvrage dédié au feu Roi du Prusse, par A. H. Dampmartin, Berlin, 1799.*

уже изъ заговорѣ, что нападеніе на разбойниковъ будеть сигналомъ общаго восстанія, что въ подвалахъ Думы огромный складъ оружія и скрыты двѣ тысячи человѣкъ. Генералъ боился своего гарнизона и не довѣрилъ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ.

Въ Думѣ уже трещали жѣлезныя двери архива и воздухъ наполнился клошками разорванныхъ документовъ, когда наконецъ показался генералъ: двумъ офицерамъ удалось разыскать его огласки ото снительно благонадежности построенія войска. Онь приближалась къ отряду и начинаетъ рѣчь: «Друзья мои, добрые друзья, видите что происходитъ. Какой ужасъ! Это ваши бумаги, грамоты властъ родныхъ!» Странная рѣчь о бумагахъ и грамотахъ солдатъ вызывала улыбки. Генералъ почти убѣждается въ существованіи измѣны и удается не сдѣлать распоряженія. Къ счастію, навсегда наконецъ нѣсколько энергической человѣкъ. Начальникъ одного изъ отрядовъ, принцъ Фридрихъ Гессенъ-Дармштадтскій, просить дозволенія очистить Думу и послать въ котораго колебанія получаетъ его. Чрезъ десять минутъ безъ выстрѣла Дума освобождена отъ двухъ-трехъ сотень обворванцевъ, въ большинствѣ пьяныхъ. Нѣкоторые падаютъ на первыхъ шагахъ. Зрѣлице возбуждаетъ смѣхъ. Двое умерли, по не отъ оружія, а съ перепола. Ночью приходили женщины, прося отпустить задержанныхъ. Судебный чинъ, наблюдавшій за ними, отговаривалъ при малѣйшемъ предлогѣ. Осталось двѣнадцать наиболѣе виновныхъ или скорѣе такихъ за кого некому просить.

Тѣмъ не менѣе приступлено было къ организаціи національной гвардіи, какъ будто мало было силы. Для поддержанія тревоги розкази не прерывались: то соборъ будеть взорванъ, то госпиталь въ опасности. Отряды передвигались, выставлялись кавалерійскіе линѣты, ходили патрули. Войскамъ было предписано брататься съ новыми товарищами. Скоро обнаружились послѣдствія братскаго сближенія солдатъ съ гражданами. Недѣлью черезъ двѣ послѣ событий нѣсколько офицеровъ сидѣвшихъ за обѣдомъ услышали крики на улицахъ. Оказалось что улицы полны солдатами празднующими щедростъ думскихъ властей, раздавшихъ по двѣнадцати су на солдата изъ городскихъ суммъ, въ знакъ благодарности города. Генералъ Ришамбо выѣхалъ со штабомъ, надѣясь внушительнымъ появлениемъ восстановить порядокъ. Его обступила тысяча солдатъ съ настойчивою просьбой выпустить, для

такого праздника, всѣхъ наказанныхъ. Генералъ отказалъ. Вечеромъ казармы были пусты; большинство не явилось на перекашку. Въ воздухѣ по городу болѣе чѣмъ когда-либо раздавались лѣни и крики. Хотѣло бы послать дежурныхъ собирать лирующихъ по улицамъ и кабакамъ. Рѣшили предоставить дѣло его течению. Пусть угомонять усталость, сонъ и недостатокъ девегъ. Надѣждѣ не оправдалась. Буйство продолжалось до пяти часовъ утра. Солдаты выходили изъ кабаковъ, не платя доисѣ, и собирались въ кучи. Къ генералу отправилась депутація возобновить просьбу объ освобожденіи наказанныхъ и о томъ чтобы отрядъ Гессенскаго принца, задержанный въ казармахъ, получалъ дозволеніе принять участіе въ общемъ празднике. На послѣднюю просьбу послѣдовало разрѣшеніе, несмотря на представление принца что отрядъ его состоитъ по большей части изъ дезертиръ, которыхъ сдерживать можно только строгою дисциплиной. И утромъ казармы были пусты; никто не явился на службу, солдаты уходили съ карауловъ. Требование выпустить наказанныхъ возобновилось. «Вѣдѣто того чтобы уничтожить себя просьбами, возьмемъ сами чего не могли добиться отъ справедливости генерала», заявилъ одинъ изъ солдатъ. Предложеніе было принято. Толпа двинулась къ тюрьмѣ. Ришамбо выѣхалъ ей на встрѣчу и опять произнесъ рѣчь, которую на этотъ разъ заключала приказаніемъ вернуться, грозя иначе приѣхать къ мѣстамъ строгости. Одинъ гренадеръ пагло закричалъ: «ну что же, генераль, посмотримъ какій это ваши пресловутыя мѣры. Употребляйте всю вашу власть, не сдерживайте гѣвъ». Ришамбо круто повернула лошадь и ускакалъ сопровождаемый блестящимъ свитой. Водворилось полное беззаконіе. Торговый, обширный и многолюдный городъ остался безъ всякой охраны. Купцы заперли лавки, жители скрылись подъ свои кровли; улицы были наполнены лѣяными солдатами и проститутками. Солдаты съ бутылками въ рукахъ останавливали проходящихъ, заставляли пить за здравіе націи. Наконецъ реacciя пришла со стороны откуда ее не ждали. Войска состояли отчасти изъ французскихъ, отчасти изъ немецкихъ полковъ. Нѣмеckie солдаты имѣли ту выгоду что хорошо понимали мѣстный языкъ. Это возбуждало зависть, споры, перемѣненіе въ открытый разрывъ. Французскіе гренадеры соединились. Явилась мысль, ловко поддержанная старыми серпантами, что славно было бы восстановить тишину

и порядокъ и возвратиться къ дисциплине добровольно. Депутаты явились къ генералу; охотко были приняты. Ротштадт обнаружилъ на этотъ разъ тактъ и благородуміе, воспользовавшися обстоятельствами. Порядокъ мало-по-малу былъ восстановленъ.

Извѣстія о беспорядкахъ въ Страсбургѣ дошли до Национального Собрания. Чѣдѣ же дѣлаетъ собрание, вѣрное плаву привыкшее къ себѣ войска? Оно, говорить авторъ Записокъ, выдаетъ декретъ которымъ «побуждаетъ солдатъ предъявлять жалобы на несправедливости, какія безъ сомнѣнія оши потерпѣли (*faire des r  clamations contre les injustices qu'ils avaient faites nul doute   r  rouve*)»¹⁴.

Вотъ въ какихъ условіяхъ находилась французская армія въ первую эпоху революціи.

Въ дөреволюціонной Франціи армія составлялась не путемъ набора, а помошью вербовки охотниковъ на восьмидесятій срокъ. Въ охотникахъ шли обыкновенно люди предпочитавшіе лагерную и гарнизонную жизнь землемѣщческимъ работамъ или сидѣнію въ мастерскихъ; не мало было такихъ кого разгулъ выгналъ изъ отцовскаго дома или изъ учебныхъ заведений. «Словомъ», говоритъ Даммартенъ, у народа горячаго, шумливаго, немножко развратнаго, армія состояла изъ того что было въ немъ наиболѣе горячаго, наиболѣе шумливаго и наиболѣе развратнаго». Вступали обыкновенно въ періодъ отъ 16 до 22 лѣтъ, часто вслѣдствіе миаутага учащихъ; многие изъ круга достаточайшихъ, «а такъ легко переосеннившихъ броши службы, какъ покорный крестъ къ гробу». Отсюда многочисленныи дезертирства, несмотря на то что армія состояла изъ воиновъ опредѣляющихъся. Въпреки времени, лѣтъ за двадцать до революціи, немногие солдаты умѣли читать и писать. Предъ революціей грамотность была уже сильно распространена, «многіе солдаты были въ состояніи читать и понимать журналы, издали предрасполагавшіе ихъ къ возмущенію. Нерѣдко воиновъ опредѣлявшихъся изъ городскихъ были образованѣе многихъ офицеровъ, воспитывавшихся безъ выѣзда въ деревенскихъ земѣахъ своихъ отцовъ».

Попытка какой подвижной матеріаѣ представлена такая армія. Все зависѣло отъ начальствовавшихъ и отъ установленной дисциплины. Всѣ тѣ части арміи которыя по счастливой случайности были въ рукахъ энергическихъ и способныхъ людей (каковъ былъ, напримѣръ, Буйе), оставались вѣрны долгу и дисциплинарѣ могли доставлять оплотъ власти.

Но большинство начальствовавшихъ были въ уровѣнь съ разлагавшимся правительствомъ.

Храбрости, воинской чести, товарищескаго духа, несокрушимой преданности своему званию и своему отряду всегда было не мало во французской арміи. Качества эти перешли потомъ въ республиканскіе полки, рекрутовавшіе путемъ усиленныхъ наборовъ.

Замѣчательно, что духъ республиканскихъ армій въ существѣ далеко не былъ республиканскимъ. Даммартенъ передаетъ что ему не разъ случилось говорить со служившими въ республиканскихъ арміяхъ, сѣдавшими капитанами, полковниками. Они приходили къ нему какъ къ лицу извѣстному преданностию Лудовику XVI и «по цѣлымъ часамъ оплакивали участъ несчастнаго монарха»¹⁵. Даммартенъ однажды спросилъ: «какъ съ такими чувствами могли вы сражаться за Робесппера»¹⁶. Ему отвѣтили: «когда мы потеряли нашихъ прежнихъ руководителей, нашихъ офицеровъ, никто изъ насъ не зналъ болѣе чѣмъ хорошо, чѣмъ дурно. Непріятель былъ предъ нами. И однажды хороший солдатъ не пропуститъ случая обнажить доблесть. Честнѣйше и лучшіе роялисты, люди превращенные католической реacciей, обнаруживали наиболѣе мужество; въ дни битъ, ихъ промѣрѣ внушили храбрость и якобинскій жадьбы, которая горделини только въ то время когда не было опасности (a ces cravards jacobins qui ne brillaient que quand il n'y avait pas de danger). Между нами одни еще гадали себя надеждой пріобрѣсти подвигами достаточно крепката въ арміи чтобы помочь восстановленію порядка во Франціи; другіе, отчаявшись, желали только умереть смертью храбрыхъ, не думал о посѣдствіяхъ»¹⁷. Одніи полковники сказали со слезами: «Мы увидимъ конечно въ раю тирана. Бѣдный тиранъ былъ поистинѣ честный, добрый, справедливый человѣкъ. Онъ искалъ только блага націи»¹⁸. Оно такъ привыкли называть Лудовика XVI тираномъ что и позымчали приступать въ своихъ словахъ, прибавлять Даммартенъ (II, 219).

Таковы были въ огромномъ числѣ республиканцы арміи Робесппера. Въ однотѣ изъ сражений республиканскій полковникъ повелъ въ оголъ свой отрядъ, воскликнувъ: «не забудьте что вы Royal-Roussonien» (по прежнему имени полка). Всезвратимъ къ Запискамъ кавалера д'Агилы и замѣстуемъ изъ нихъ другой эпизодъ, заключающій въ себѣ любопытное олицетвореніе прѣздѣ короля въ Парижъ послѣ первыхъ даѣтъ мятаха.

ВТОРОЙ ЭПИЗОДЪ.

Интриги, въѣзжія столицы.

Баллья, Лафайетъ и ихъ друзья съ ночи на 16 юля занялись предварительными интригами, прежде чѣмъ перейти къ трудамъ муниципальными и военнымиъ. 16го утромъ почтные толпы Гревской площади и Пале-Рояля предоставили давнимъ превія, ловко возбужденныя агентами двухъ временныхъ командировъ Парижа. Пренія шли по вопросу: почему король не прибылъ чтобы утишить беспокойство народа. Мятежники, гордые вчерашию депутатіей, ободренные двумя заговорщиками которыхъ Собрание видимо желало поставить во главѣ ихъ, въ запуски воспламенялись въ преніяхъ. Умы разгорались еще болѣе когда вскій страхъ миновалъ, благодаря приходившимъ вѣстямъ обѣ удаленій войскъ, о возвращеніи министровъ-гражданъ и новомъ вызовѣ Неккера. Люди изъ страха королевской власти сдерживавшіе свое фанатическое увлеченіе престарелыми революціи сдѣлались шумѣщими висѣльщиками (lauterpeins) и гоаворѣзовъ. Провозглашено необходимымъ чтобы король прибылъ въ Думу; посланы эмиссары въ Собрание сказать что Парижъ желаетъ видѣть короля. Нашлись посредники сообщившіе королю о вызванномъ до любовью страстномъ желаніи народа. Все это было разутошено общими мѣстами чтобы доказать монарху необходимость согласиться. Въ тотъ же день 16го стало известнымъ что хотя король несовсѣмъ здоровъ, однако удовлетворить просьбѣ какъ можно скорѣе. Въ виду легкости достижения первого желанія стали уже толковать о необходимости удержать короля въ Парижѣ. Минута не была еще достаточно тому благоприятна. Но уступчивость короля всегда была, въ продѣлкахъ мятежниковъ, олорною точкой ихъ движенія. Безнаказанность, обезлеченная избыткомъ свидетельности монарха, предавала робкихъ въ руки наглосъ и честныхъ въ руки лицемерія, и престѣкала средства къ возвратченію на путь повиновенія.

Король неизбѣжно долженъ былъ попасть въ руки одной изъ двухъ партій образовавшихся со времени заѣданія въ Мансії. Послѣ присяги нельзя было скрывать этого отъ

себя. Къ несчастію, именно партія зла обнаружила твердость и искусство, требуемыя для такого предпріятія. Множество людей всякаго положенія такъ или иначе содѣствовали революціи, даже въ рядахъ партіи ей враждебной. Не должно забывать что въ этой партіи не мало было трусовъ все готовыхъ предать, неспособностей всему вредящихся, хотя за все берущихся, продажныхъ душъ, слабо державшихся монарха, казна которого казалась надолго истощенною.

Распоряженія въ Версалѣ и въ Парижѣ.

Лудовікъ XVI—и на это требовалось съ его стороны не мало мужества—решился отправиться въ Парижъ, и 16го даль звать собранию о намѣрѣніи своемъ прибыть въ Думу на другой день, въ пятницу 17го, съдовательно на третій день послѣ свершеннаго тамъ убійства. Ночью король исповѣдался, привезъ въ порядокъ свои частные дѣла, скъжъ бумаги (безполезные планы безполезныхъ министровъ, съ самаго начала царствованія открывшихъ широкій путь къ революціи). Национальное Собрание само себя пригласило отправиться въ Парижъ для принятія короля. Городская стража Версалѣ обсуждала вопросъ о томъ чтобы сопровождать короля.

Въ эту ночь Лафайетъ, управлявшій столицею подъ распоряженіемъ ея временнаго мера, размѣстилъ патрули и далъ приказъ по постамъ замыкавшимъ дорогу въ Версалѣ пропускать бандитовъ съ ихъ дамами, если они туда отправятся. Поручилъ всѣмъ карауламъ шестидесяти участковъ оповѣстить гражданъ чтобы всѣ могущіе носить оружіе собрались къ пяти часамъ утра. Указы были мѣста какія должны были занять участки отъ Думы до Рѣшетки на набережной Шальбо (Grille de la conférence). Кареты любопытствующихъ должны направляться на дворъ королевы (dans la cour de la Reine). Лафайетъ умолялъ собствица на этомъ первомъ собраниі парижской силы порядокъ и спокойствіе. Никакихъ краковъ кромѣ да здравствуетъ нація. Особья распоряженія были сдѣланы касательно французскихъ гардъевъ и пушекъ.

Караулы были наполнены людьми болѣе шумливыми чѣмъ мятежными. Послали почью ходить по домамъ для оповѣщенія. Болѣе наглые разражались угрозами, если не встрѣ-

чали отвѣта на свой жаръ. Ихъ способъ говоритьъ тревогу (*parler la g n ale*) былъ шумливъ обычнаго способа ее быть (*de la batre*). Быть уже цѣлый репертуаръ долженствовавшій фигурировать на этомъ подобіи вооруженія: всякая желѣзка, сплющенная или заостренная, разные ремесленные, садовые инструменты и прочее, привязанные бичевками къ острию шестифутовой палки изображали оружіе. Пики и алебарды были уже въ большомъ количествѣ. Такъ вооруженные взрослые, стараки, дѣти представляли на первый взглядъ впечатлительное зрѣлище.

Было приказано стоять шпалерами на улицахъ и не переходить съ одной стороны на другую посѣтъ девяти часовъ. Потому жены ускорили военный туалетъ мужей въ пеленкой для пахъ обмундиръ рабочихъ. Да и сами слышали на данный путь какимъ образомъ былъ проходить король.

Нѣтъ сомнѣнія что еслибы войска были двинуты на Парижъ около восьми или девяти часовъ, то захватили бы три четверти столицы, занявъ мѣста которыхъ пресѣкли бы подъвозъ припасовъ, и взяли бы обратно Бастилью которую тогда управляла Брессо. Увѣренъ въ удалении арміи направила заботы исключиительно на то что достило въ този день самолѣбію Балзаку и Лафайету. Конечно, потребовалось бы чтобы въ то же время отрядъ съ артиллерией вывелъ королевское семейство изъ Версаля.

День 17 іюля 1789 года.

Слыша что говорилось въ этотъ день, видя какій вспаздній и прискорбный шагъ заставили сдѣлать Лудовика XVI, зналъ что при твердой рѣшимости всегда можно достичь желаемаго, я порѣшилъ самовольно и на свой рискъ дождаться подальше, на пути короля, его проѣзда и при двериѣ кареты сопровождать его въ Парижъ. Я отправился до Пасси; встрѣчали группы людей разсѣянныя по пути. Чтобы выбрать отдельный постъ и достичь мѣста именемъ *Poitier du jour*. Тамъ было двѣ кареты для перекладки его величества. Нѣсколько выше было расположено отрядъ обѣзданной стражи (*mag eau assur e*). Всадники безъ начальника не знали что имъ дѣлать; признались маѣтъ что находятся въ большомъ затрудненіи, не получая никакихъ распоряженій, встрѣчая ис-

разъ оскорблія. Я ложалъ этотъ славный народъ, она повторяла то что я хорошо знала. Я поставилъ ихъ полу-кругомъ предъ каретой. Было восемь часовъ утра.

Уже депутаты въ коляскахъ съ женами направлялись къ Парижу. Нѣкоторые были очень веселы, другіе задумчивы. Въ моемъ голубомъ платьѣ со всадниками позади меня я имѣла видъ протектора поѣзда. Депутаты чрезвычайно заботились о популярности. Многіе сложили въ однѣмъ часѣ соединенныхъ домовъ ящики запертые на ключъ чтобы, говорили они, не падти ихъ обысканьями по прибытии. Ящики были тяжелы. Содержали ли они въ себѣ оружіе, деньги, бумаги—этого я не могъ узнать. Услышала я что Король выѣдетъ изъ Версаля въ 9 часовъ въ сопровождении городскихъ гардовъ (*garde bourgeoise*). Но отѣзди замедлился. Время проходило. Желающими, дѣти спрашивали меня могутъ ли кричать: „да здравствуетъ король!“—„А что же хотятъ вы кричать?“—„Да здравствуетъ нація!“ отвѣчали они.—Все сбиваются стъ толку тѣмъ что говорятъ.—Въ такомъ случаѣ будемъ кричать: да здравствуетъ Лудовикъ XVI... Но если будетъ и королева?—„Ну, такъ кричите: да здравствуетъ королева.“

Около полуодна вижу ѳѣдетъ Лафайетъ въ сѣромъ платьѣ, сопровождаемый бандирами-избирателями, сдѣлавшимися его граїданскими адъютантами (*aid  de-camp Bourgeois*). Всѣ были верхомъ. Такъ какъ монсеньги не совпадали съ его камбреніями, ибо я имѣла въ виду останавливать скользящую изъ Версаля, то я была весьма доволена видъ что она удаляется. Его лѣстивы гоны и слабость породили бы безпорядокъ. А около часъ все было спокойно, почтительно, какъ встарь при проѣздѣ государя. Въ двѣнадцать часовъ съ половиною, старая отъ нетерпѣнія, я отправился къ Севру. Миѣ сказали о нѣсколькихъ быстро проѣхавшихъ каретахъ частныхъ лицъ, и что король немедленно прибудетъ. Я вернулся на свой постъ. Густая пыль возвѣстила о движениѣ какої-то толпы. Скора я могъ судить изъ какого народа она состояла. При видѣ этихъ разбойниковъ, фигуры коихъ способны были напугать меня когда я увидѣла ихъ въ первый разъ въ Думѣ и приемы которыхъ были миѣ знакомы, кровь моя закипѣла. Я выѣхала на средину дороги махая шлагою. Стражники берутся за сабли. Я кричу этимъ страшными, грозными, полувагамъ людямъ, съ раскрашенными кирличемъ щеками, съ бровями и усами выведенными углемъ,

съ лентами нации на одѣждѣ (bordés de rubans de la nation);⁶ „Сюдѣйкуда идетѣ?“—„Въ Парижѣ“, отвѣчали ониъ съ смущеніемъ.—Назадъ, давы неизѣя! Сторонитесь (tenez-vous).⁷ Это было повторено по всей колоннѣ и пристановило ходъ версальской буржуазіи сопровождавшей короля, который и прибыль къ перекладѣ безъ замѣшательства. У кареты нѣсколько вооруженныхъ людей, безъ сомнѣнія изъ начальствующихъ (quelques hommes bien convertis, sans doute les commandants). Однѣмъ изъ пахъ съ крестомъ Св. Лудовика, державшій у дверецъ кареты, уступилъ мѣсъ свое место. Эта господа отѣхали къ пестрому отряду (se retirèrent vers la troupe bariolée) сказавъ маѣ что есть опасеніе, не удержаны бы короля въ Парижѣ. Я разувирали ихъ съ твердостю какъ лицо отдавшее себя защитѣ его безоласности. Это и привлекло меня сюда. Я говорилъ чѣмъ чувствовалъ. А въ такихъ слушахъ слово твердо. Изъ благороднѣйшихъ не мѣнили, а только перепрягли лошадей. Въ это время раздавались крики: „да здравствуетъ король!“

Прибытие короля въ Парижъ.

Мы были тогда въ разстояніи полутора лѣтъ отъ Думы. Это была длинный путь. Съ той самой минуты какъ тронулись, я былъ очень доволенъ людьми сопровождавшими меня справа. Вытинавшись въ линію, туазахъ въ двухъ отъ короля, они не допускали сволочь стремившуюся пробраться къ себѣ и окружить ее. Я еще разъ убѣдила тутъ что примѣръ есть все. Я имѣла дѣло съ людьми послушными и любящими своего государя.

Корольѣхалъ въ самой скромной обстановкѣ, очевидно чтобы угодить суровому Собранию и нагости участковъ. Въ поѣздѣ были двѣ загородныя кареты^{**}. Кареты короляѣхала

* Когда Мажисье писалъ что революціи представляютъ собою карикатуру исторіи, онъ говорилъ это фигуралино, имѣя въ виду общенственныи духъ который тогда выражался (rouge l'esprit public qui s'ultimoit). Но во французской революціи мысль эта осуществилась. Можна сказать также что революція эта была поистинѣ добродѣтелью (la sagesse de la vertu), ибо последняя была тогда лишина пищей. *Прим. кн. д'Азима.*

** Эти загородныя кареты или берсаны шестимѣстныя. Изъ сопровождавшихъ короля говорятъ осталась только герцогъ Вильельмъ, одинъ выѣхавший изъ Франціи. А между тѣмъ корольѣхала выбѣзъ другихъ по причинѣ ихъ полузаростки. *Прим. кн. д'Азима.*

впереди. Я держался у дверцы. Слѣва отъ короля сидѣлъ князь де-Бово (prince de Beauvau), капитанъ тѣлохранителей. Впереди я различалъ герцога Вильельмъ (Villequier) и графа д'Этенъ (d'Estant), а также Mr. de Nesle. За каретойѣхала восемь тѣлохранителей (gardes de corps) верхомъ, помѣтъ вторая карета съ обычно прислугой (contenant le serviteurs ordinaire).

Я была слишкомъ близко отъ короля чтобы (дѣла распоряженія и стараясь удалять тоалу и удержать тѣлохранителей на ихъ священномъ посту) не переносить взоротъ на его величество. Лицо его было уныло и сильно измѣнилось. Оно смотрѣло впрочемъ внимательно вокругъ, по внутренни бѣзъ замѣтно озабоченъ. Оно оставилъ въ Версалѣ королеву въ страшномъ беспокойствѣ. Все происходившее съ нѣкотораго времени было такъ странно что она очень имѣла опасеніе погружаться въ свои мысли.

Я узнала графа д'Этенъ. Уже нѣсколько времени я его не видѣла и считала его противникомъ всего происходившаго. Онъ заговорилъ со мною о столице. Я въ насмѣшивомъ тонѣ, нѣсколько позволяло присутствию короля, передавалъ то что должно быть сказанъ, полагая что если его величество рѣшился на такой шагъ, то я обязана была разъяснять безпокойство, а такъ какъ возмущеніе было маѣ не по душѣ, то могъ себѣ позволить отозваться о немъ критически.

Карета отъ Версалѣхала очень медленно. Теперь, встрѣчая менѣе прелестнѣ, кучерь двинулъ легкую рѣсью. Это заставило ускорить шаги лѣвыхъ и подняло большую пыль. Корольѣхала опасеніе не беспокоить ли она наст. Я отвѣтила: „доброта вашего величества возлаграѣдаетъ пасъ“. Новый распорядокъ вокругъ берлинца, моя рѣча, крики: „да здравствуетъ Лудовикъ XVII⁴ болѣе быстрое движение—все это произвело нѣкоторое оживленіе и вывело сидѣвшихъ въ каретѣ изъ монотоннаго настроенія сопровождавшаго ихъ отъ Версалѣ. До перекладки поѣздъ имѣлъ что-то погребальне. Я замѣтила перехмну и съ удовольствіемъ усмотрѣла что лицо его величества приняло выраженіе болѣе оживленное и ясное.

Мы проѣхали уже мимо нѣкоторыхъ групъ крестьянъ: они начинались выстроенные по пути шпалерами отряды участковъ. Лошади поплы шагомъ. Кричали: „да здравствуетъ нація!“ Сопровождавшіе меня покрывали этотъ крикъ другими:

«да здравствует король!» Это была хорошая буржуа у которых говорило сердце, и которые всегда оставались бы честными и верными подданными. Они не отставали от кареты, хотя дѣлались попытки ихъ пересѣчь и стѣснить такъ чтобы удалить тѣлохранителей, которые вели себя съ большою мягкостью. Я наблюдалъ внимательно, а мои спутники по первому маловѣро дѣйствовали такъ какъ еслибы были предупрѣждены мною на всѣ случаи. Король былъ доволенъ ихъ стараниемъ и трудами. Сопротивляясь толѣтъ было легко. Такъ доставили мы столицу, нечестной пущине которая потому должна была все логотитъ.

Въ два часа съ четвертью мы находились у заставы de la Conférence.^{*} Здѣсь депутатія Национального Собрания съ некоторымъ ожиданіемъ «исполнительную вазасъ»; въ Бальзѣ, проризуарий мерь, ждалъ своей побѣды.

Лафайетъ находился на минуту при перекладѣ лошадей. На безпокойномъ ярѣ его выразилась преступная срамота (*Il avait montré une figure renversée où sa scélérate tigritude se peignait*). Онъ не постыдился приблизиться къ королю. Тотъ посмотрѣлъ на него равнодушно. Но у заставы Лафайетъ принялъ виновитейшій видъ, ставъ во главѣ пятидесяти биржевыхъ игроковъ (*agioiteurs*) на коняхъ. Карета остановилась, такъ какъ происходило представление Балы съ выборными муніципалитетомъ (*municipalité électorale*). Король дозволилъ имъ отворить дверцу. Балы представили яко бы ключи Парижа (*les soi-disantes clefs de Paris*). Король соблаговолилъ держать ихъ, пока новоиспеченный саковицъ со своею симѣю фигурой и педантскими видомъ (*sa figure ridicule, son maintien pédantesque*) говорилъ на языкѣ матежа рѣчи въ духѣ дня, то-есть неѣной наглости, должностевавшей оставить опасные сѣды. Ухищреніе было въ томъ чтобы подъ видомъ игры словъ выдавать нагую силу (*La feinte était d'en faire passer la force impudente sous l'apparence d'un jeu de mot*). Пенсіонеръ короля, простой академикъ **, указывалъ монарха

* Рѣшетка на изберѣтной Шальѣ на правомъ берегу Сены. Пр. д'Алема.

** Когда академикъ Салленъ Балы портировалъ Атлантиду и ауау, не зналъ что изъ того выйдетъ, онъ на откровенной бесѣдѣ высказывалъ что имѣй онъ двѣ тысячи екю дохода, былъ бы счастливъ никому бы не завидовалъ. Королевскій министръ незамѣтно доставилъ ему это счастіе. Кромѣ пенсіи отъ Орлеанскаго дома,

сравнивая славную эпоху исторіи съ нынѣшнею эпохой. «Тогда, говорилъ онъ, Генрихъ IV завоевалъ Парижъ, теперь Парижъ завоевываетъ Лудовика XVI.» Онъ позволялъ себѣ, — за тѣмъ, конечно, чтобы праздновать эту легкую побѣду, — предложить королю присутствовать на молебствіи въ церкви Парижской Богоматери. Король отвѣчалъ: «Это въ другой разъ».

Послѣ церемоніи представленія надѣжало продолжать путь. Это было достигнуто не безъ замѣшательства. Въ средѣ депутатовъ, избирателей, представителей участковъ, коимъ предстояло пѣшкомъ идти предъ каретой его величества, возникъ споръ. Побѣда съ точки зрения однихъ, возмущеніе не позволяло имъ признать соответственнымъ гражданскому порядку шествіе, въ которомъ власть законодательная, власть муниципальная, власть судебная и власть народная шли бы пѣшкомъ, тогда какъ власть исполнительная будетъ въ каретѣ. Однако многое нашло предложеніе, —хотя и согласное съ революціоннымъ правомъ, ибо было четверо противъ одного, —прѣдѣвропейскимъ и отвергли, перейдя къ очередному порядку и двинувшись въ путь. Скоро обнаружились попытки прозвѣсти безпорядокъ. Впереди кортежа парандировали Лафайетовы маклеры и банкиры на коняхъ. Они вдвигнулись между каретой и тѣлохранителями, которые такимъ образомъ были болѣе и болѣе оттеснены. Отрядъ учениковъ-хирурговъ хотѣлъ обстуپить карету. Я съ моими людьми отталкивалъ ихъ. Мортонъ-Шабрильянъ *, командовавшій

баронъ де-Бретийи возъяснялъ его состояніе до десяти тысячъ зиаровъ дохода. Затѣмъ Балы изъ благодарности зазевалъ королевство на некоторое время (*par gratitude fit la conquête du royaume pour quelque temps*) Пр. д'Алема.

* Графъ Мортонъ-Шабрильянъ (Moreton Chabrillant), запасный капитанъ (capitaine survivancier) тѣлохранителей, былъ, кромѣ того, полковникомъ по пѣхотѣ. Онъ потерялъ свое мѣсто въ 1787 за злоумышленство (*pour malversation*) и былъ обезвѣченъ предо всѣмъ свѣтомъ. Имѣлъ также скожный процессъ со прокуроромъ Пернандомъ (Pernand) и осужденъ изрѣзментомъ. Ко двору, который не защищалъ его, онъ возымѣлъ великую ненависть и изъ мести искалъ суда участковъ, а потому Собранія. Онъ былъ малаго роста, склонярый и къ тому же безобразныи, блазорукъ. Онъ вступалъ въ агобинскій клубъ и былъ създанъ генераломъ (*maréchal de camp*). Между знат-

имя утверждалъ что такъ поручено отряду Лафайетомъ. Я говорил ему рѣзко не сколько разъ, и опь дважды просялъ меня его извинить. Помѣстися сзади меня, а я удержалъ ся у кареты на все время пути. Несколько минутъ спустя, король пожелалъ узнать мое имя^{*} и отвернулся отъ Мортона котораго презирали.

Описание Парижа при проѣздѣ короля.

Зрѣлице, столь же поразительное какъ и новое, какое представлялъ собою Парижъ въ эти минуты, могло бы быть, въ другомъ отношеніи, весомы лестнымъ и пріятнымъ монарху, еслибы онъ могъ усмотретьъ въ немъ любимый имъ народъ, вооружившися чтобы служить и повиноваться ему на защиту отечества подъ его величествомъ. Тогда это громадное соборище было бы величественно и безъ примѣра въ исторіи. Насчитывали вооруженныхъ людей болѣе ста тысячъ, и на взглядъ число это не было преувеличено. Всѣ участки доставили многочисленные отряды, вѣкоторые явились цѣлкомъ. Присоединились королюціи не вошедшіи еще въ составъ городскихъ гардъ. Кромѣ того, французскіе гарды, перебѣгчики изъ линейныхъ войскъ, артиллеристы и наконецъ бродаги, почию мѣстопребываніе коихъ было неизвѣстно, но которые днемъ показывались вооруженными ликами.

Отъ Шальйо, набережной и площади Лудовика XV мы прошли улицами Сент-Оноре, де-Руа, набережными Мессажеровъ и Пелетье до Думы. Шли между рядами расположенныхъ въ двѣ или три ширеаги шпалерами по той и другой сторонѣ улицы. Между стоявшими встрѣчались группы не безъ намѣренія

имъ сальть за храбреца, такъ какъ однажды дразни съ аркетомъ и рукахъ, не видя вдаль. Въ сущности никакъ членовѣкъ (un plat non plus). Онь ждалъ что народъ изъ Валанселье въ 1792 году побѣсть его камазамъ. Другъ Дюмуэръ, онь былъ сдѣланъ чинъ комендантъмъ и Брюсселя. Быть выгнанъ; умеръ вскорѣ въ Дуз (Dousai). Пр. д'Азмо.

* У Лудовика XVI была отечная память. Несмотря на тревоги дня, онъ не забывалъ мое имя. На другой день при вставании и въ сѣднющіе дни говорилъ обо мнѣ, хвалилъ мое поведеніе. Я получалъ письмо содѣжившее въ себѣ лестныхъ выраженія въ мою пользу и о моей добродѣлости (bienabilité). Таково было одно изъ выражений доброго короля. Прим. д'Азмо.

расположенія съ живописною вышительностью. Это были какъ бы отдѣльныя баталіоны вооруженные различно одинъ отъ другихъ, то съ давнѣыми садовыми серпами, то съ косами, то съ широкими полосами прибитыми къ концу длинной пласти; въ срединѣ значки изъ бумаги съ трехцвѣтными лентами.

Отряды отъ участковъ, раздѣленные этою массой, смѣшиво въ подробностяхъ, вышительною въ флагомъ, отличались по примѣру Лафайета высокими трехцвѣтными сугатацами на шапкахъ. Вооружены были въ первомъ ряду ружьями, во второмъ и третьемъ шпагами. Начальствующіе имѣли ленты по платью и въ петандѣ, на подобіе орденскихъ (des ghabas à travers l'habit ou à la boutonnière comme des ordres de chevalerie). Чрезъ вѣкоторое разстояніе одинъ отъ другаго, на мѣстахъ где лучше могли быть замѣчены его величествомъ, стояли роты французскихъ гардовъ съ знаменами и пушками впереди. Такъ какъ не было приказа отдавать обычную честь королю (de saluer le roi selon usage), то почти повсюду обходясь безъ этого.

Шествие предъ каретой открывала толпа черна съ трофейами грабежа. Дамы паціи съ лентами, букетами и обрывками знамен; люди 14 юла съ ихъ амазонкой, то-есть свидѣтели убийствъ возведенныя въ лобдѣтей Бастилии. Избиратели и предсѣдатели участковъ; вѣколько пушекъ, временный совѣтъ общины, мэръ, депутаты-законодатели съ жевами, еще вѣколько пушекъ предъ самою каретой его величества.

Почти на всѣхъ улицахъ прымѣкающихъ къ тѣмъ по которымъ мы шли были устроены амфитеатры для зрителей. Въ домахъ, дворахъ видны были ряды любопытствующихъ. Стоили на угахъ, на вѣсахъ, крышахъ домовъ. Всюду оранжевыя ленты и знаки митежа. При проходѣ по площади Лудовика XV произошла довольно значительная сумятица (oncavari). Городскіе гарды были выстроены парами. Когда шествіе вступило, любопытствовавшіе „видѣть короля“^{**} двину-

* Я уже замѣтилъ что на короля смотрѣли съ жаднымъ любопытствомъ зеваками увидѣть тѣгостное положеніе надъ которыми торжествуютъ. Не мало размышленій можетъ породить это новое чувство распространяющееся въ народѣ всегда жаждомъ до зрѣнія и новостей. Сѣдоволосы опасаются, не пожелалъ бы онъ часто доставлять себѣ такое занятіе. Прим. д' Азмо.

льсь впередъ, прорвали цѣль и уваѣки тоалу за собою. Ударъ какої предстояло выдержать могъ опрокинуть самую карету. Но благодаря разстоянію отъ места движенія и до того гдѣ была карета напоръ былъ поглощенъ городскими гардами на коняхъ слѣдовавшими за нею.

Не видавъ трудно вообразить зрѣлище какое представлялъ собою этотъ драматичный путь «жажденій безчисленною толпою». Можно сказать, всѣ камни домовъ превратились въ головы. Предоожительные крикія: «да здравствуетъ нація!»^{*} составили одинъ гулъ до самаго прибытия въ Думу. Многи люди, тѣснившіеся за каретой такъ что были почти однѣ на другомъ, отвѣчали крикомъ: «да здравствуетъ король!» Несмотря на то, въ узкихъ мѣстахъ король могъ смыщать какъ иные прознosiли про-клятия (*des gens qui prononçaient des imprécations*), другие требовали Неккера, удаления Поливиакова.^{**}

Такъ прибыли мы къ Думѣ. Я былъ съ правой стороны кареты. Выходить королю приходилось съ лѣвой. Я отъѣхалъ отъ дверцы. Король едва могъ пройти: такъ заставлена была путь, по преднамѣренной небрежности Лафайета и депутатовъ,^{***} которые уже вошли въ большую залу Думы. Потому я былъ на верхѣ лѣстницы прежде чѣмъ король достигъ нижнаго съ конца. Капитанъ тѣлохранителей былъ оттѣщенъ и король вынужденъ былъ пройти подъ сводомъ изъ шнагъ въ пакъ (*sous la voute d'acier*)[†]. Онъ былъ видимо измученъ этими пропилѣніями восторговъ мятежа, управляемыхъ къ тому чтобы его унизить и выставить напоказъ. Я поспѣшилъ наѣскоалько ступеней, приглашая разступиться и говоря: «надо же наконецъ дать пройти королю». Лудовикъ

* Припомните что въ Парижѣ предписано было именно это воскликаніе. Пр. д'Агилл.

^{**} Парижъ не зналъ еще обѣ отъѣздѣ графа д'Артура, искоторыхъ придворныхъ и проч. Прим. д'Агилла.

^{***} Потому узнайъ что многіе изъ депутатовъ разѣвались по Парижу чтобы обидѣть и ободрять беспорядки. Пр. д'Агилла.

[†] Многіе поизлагаютъ что франкъ-масоны имѣли націе на возстаніе и служили ему помощью тайныхъ комитетовъ въ пересыпной корреспонденціи изъ рѣдкого края королевства на другой съ цѣлью шантажъ. Со своей стороны, знаю только что герцогъ Орлеанскій какъ гроссъ-майстеръ ордена могъ изъ поизлагаться, и что съводъ изъ шнагъ, *voute d'acier*, есть одна изъ масонскихъ церемоній. Пр. д'Агилла.

XVI всѣхъ благодарилъ и просилъ только его не задушить (*ne pas l'étrangler*). На второй лѣстничѣ и на порогѣ до залы я шелъ предъ королемъ. Тутъ было свободное, сопровождавшее немногое. «Посторонитесь», говорилъ я, чтобы напомнить о почтейнѣ къ королю. Лудовикъ XVI прибылъ въ залу едва будучи въ состояніи дышать. Было четыре часа съ половиною. На мѣстѣ гдѣ прежде было бюро, стояла стулья подъ старымъ бандажомъ. Здѣсь помѣстился король. Около него были Лафайетъ, Бальзъ, Корни^{**}, прокуроръ думы, избиратели, де Саль, Гай (Най), капитанъ охраны мера. Особы имѣвшія честь прибѣти въ каретахъ, проводили въ амфитеатръ залы, наполненной засѣяніемъ сдѣтыми дамами. Князь Бово, вѣрный двойному представительству, держался, изъ довѣрія и патріотизма, подальше отъ своего государя (*fidele à la double repré-sentation se tint par confiance et patriotisme éloigné de son maître*). Тогда демонъ болтовни и нагости (*du parage et de la license*) взмахнула своими софистическими крыльями. Задолбались изыски послѣ краковъ: «да здравствуетъ нація!»

Рѣчи въ присутствіи короля.

Мерь снова разлагательствовалъ о побѣдѣ надъ королемъ. Напыщенный тонъ выдавалъ его гордость и наготь. Король спросилъ стаканъ воды. Онъ получилъ тѣльце шнагой въ мишаникъ, но не жаловался. Балы представили ему національную кокарду. Лудовикъ XVI имѣлъ синхронность надѣть ее на шапку (*la passer sous la gaine de son chapeau*). Корни говорилъ отъ имени общины. Потомъ искоторые другіе. Король былъ взволнованъ. Онъ говорилъ сидя и съ открытымъ головой. Онъ сказалъ: «я не сомнѣвался въѣрности Французовъ» и далъ почувствовать что живѣшіе желаютъ для общаго спокойствія сохранить порядокъ, спра-

* Этотъ народъ-обезьяна не помнилъ басню Лафонтена, гдѣ обезьяна задушала своихъ дѣтенышъ изъ иѣзда къ имѣніи чувиства. Пр. д'Агилла.

^{**} Корни (Согн) изжиласъ во времена Американской войны, будучи постасцикомъ. Онъ получила медаль Цинциннати, которую однажды раздала и офицерамъ, и погонщикамъ, созиравшимъ припасы и артиллерию. Вернувшись во Францию, онъ купилъ должностъ члена французского прокурора при Духѣ (procureur du Roi à l'Hôtel de Ville). Пр. д'Агилла.

ведливость, миръ. Рѣчъ можно было слышать только въ залѣ.

Тогда Лалла Толандаль произнесъ свою знаменитую рѣчу, замѣчательную тѣмъ что его тотчасъ же и вѣрою кружокъ роллистовъ называлъ: „есе членъкъ нового царя Гулеевъ“ (esse homo du nouveau roi des juifs) *. Онъ пичаль тогоже обманнаго безъсъдства: „Вотъ король, котораго мы немоинко призываляемъ... Вотъ король, который возвратилъ вамъ ваши паціональныя собранія и хочетъ ихъ увѣкоѣтъ. Вотъ тотъ который желаетъ раздѣлить власть свою съ вами“ **. Окончилъ всесмѣ куріозныи заключеніемъ: „позвольте, государь, подданному и въ вѣрности, и въ преданности не превосходящему никого изъ пытъ вѣсъ окружающихъ“ и т. д. Говорилъ то что не отвѣчало ни мѣсту, ни времени, ни поставленію. „Троихъ на которыхъ мы помѣстили династію вашу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ“ ***. Далѣе встречаемъ въ этомъ чванломъ многословіи: „нашъ добродѣтельный король призывалъ своихъ добродѣтельныхъ союзниковъ;“ „добродѣтельный министръ, дорогой всей націи, будетъ ей возвращенъ;“ „...и да погибнутъ враги общества“... и проч. „Король, поданные, гражданско соединимъ наши усилия“... Только красноречивый ораторъ ф Национального Собрания могъ такъ говорить: подданные и гражданско. Такъ былъ языкъ для. Но остановимся на минуту, взѣсимъ какакъ цѣна этихъ фразъ и подумаемъ о судьбѣ несчастнаго Людовика XVI. Такъ должны были видѣть игрушкой иноzemцевъ (*le jouet des étrangers*) и обреченною жертвой парода, назвать его тѣ кто его любили.

Послѣ двухъ звонковъ революціоннаго проповѣдника король покинулъ съ мѣста. И заключаешь что онъ сейчасъ отправится. Сходи съ лѣстницы, я приглашаю вложить шлаги въ

* Толандаль бывъ не единственнымъ иностраникомъ (*n'est pas le seul étranger*) игравшій роль Пилата во времена революціи и умыдавшій руки на все что дѣлалось. Пр. д'Агилл.

** Всевозможные люди (*les gens gais*) признали это за основаніе „королевской демократіи“ (democratie royale). Пр. д'Агилл.

*** Вотъ результатъ: жажды извѣстности и фальши судженій. Все говорилось, всему вѣрилось! Значетъ, нѣкоторые Лалла нарочно пришли изъ Израїла чтобы поднести Глоту корону Франціи. Пр. д'Агилл.

† Чрезъ три мѣсяца послѣ этой рѣчи ораторъ былъ въ бѣгахъ, считавшемъ одними дурными подданистами, другими дурными гражданами. Чего же хотѣлъ тогда этотъ членъкъ? Пр. д'Агилл.

ночныи, сообщая случившееся съ королемъ. Встрѣтилъ по-мошника командающаго; онъ уговаривалъ меня прододжать, такъ какъ самъ боялся потерять популярность*. И вернулся къ каретѣ, окруженнай отрядомъ хуаргровъ, покрытой трехцифровыми лентами, которыми торговцы красили ее внутри и снаружи, а также и лошадей. Карета походила на тѣ въ какихъ возятъ роженыхъ (qui servaient aux maternités). Бабы, воровники (recruteurs), угольщики и проч. взѣзли на козы и на заднее сидѣніе. И удалился отъ прискорбной картины. И душа моя, вопреки сердцу произнесла: конецъ монархіи во Франціи. Такова была мысль моя въ эту прискорбную минуту.

Король возвращается въ Версаль.

Я рѣшился удалиться. Короля удерживали у окна, где Базы пригласили его показаться. Я получалъ уколъ шпагой въ ногу и желалъ избѣжать затрудненій выхода, не будучи въ состояніи быть полезнымъ. Встрѣтилъ на набережной Мессажери нѣсколькихъ тѣлохранителей. Они казались были благодарны миѣ за оказанную услугу. Сказывали какъ за-труднительно было ихъ движение. Въ это время нѣсколько человѣкъ выстрѣлили изъ ружей. Это тотчасъ сообщилось на сторону гдѣ я проходилъ. Болзы (imbéciles) луксала выстрѣлы прямо предъ собой рискуя опалить лицо. Предпамѣренно ли или случайно, но какъ разказывали, на колесахъ кареты были слѣды пуль. Вѣрою то что одна беременная женщина была наполовину убита на лѣвомъ берегу Сены, противоположномъ тому гдѣ проѣзжалъ тогда его величество. Потѣдъ возвращался въ Версаль шагомъ. При проѣздѣ чрезъ Сен-Сир, король, не ѿвшій цѣлый день, выразилъ желаніе оставаться, но парижскіе разбойники и версальскіе гарды отказали въ этомъ. Во дворецъ въ Версаль король прибыть послѣ одиннадцати часовъ вечера **.

* Маркизъ де-ла-Салль, котораго Лаллойтъ чрезъ четыре мѣсяца прогналъ и хотѣлъ чтобы народъ повѣтилъ. Пр. д'Агилл.

** Чрезъ тринадцать часовъ послѣ утреннаго отѣзда. При возвращеніи изъ Версаль много кричали: „Да здравствуетъ король!“ Между почтенными членами Собрания были быть-можетъ удивленные что она вернулася. Пр. д'Агилл.

Вотъ какъ, 17 іюля 1789 года, исчезло уваженіе къ трону. Лудовику XVI осталось только пустое и прискорбное имъ короля, ибо безъ почтепія и вѣрности короны есть обманчивое и пагубное украшеніе.

Въ тотъ же день въ столицѣ почти всѣ дома были плачаминарами, по приказу, какъ дѣлалось съ 13 іюля. Выстрѣлы, крики: „да здравствуетъ нація!“ суматра какъ въ городе отдавались на разграбленіе. Солдаты и вслически вооруженные люди наполняли кофейни и кабаки. Меръ и его генералы называли это прекраснымъ днемъ!

Въ кругу королевы и дѣтей Лудовикъ XVI былъ скоро вознагражденъ за странную церемонію мнимой общественной нѣжности, которую перенесъ и о главныхъ чертахъ которой разказывалъ со списходительностью достойною его прекраснаго сердца *. При двоѣ боялись что короля удержать въ Парижѣ. Подозрѣвшіе изъкоторыхъ чудовищъ стояцы, имѣли еще и другіе страхи. Отлегло отъ сердца когда узнали что король среди самыхъ вѣрныхъ друзей какіе ему остались: среди своей семьи **.

Нагдѣ вѣзда короля 17 іюля въ Парижѣ не описанъ съ такими живыми подробностями какъ въ приведенномъ разказѣ кавалера д'Агилы. Бальи въ своихъ мемуарахъ дѣлаетъ довольно длинное описание этого дня, но занимается преимущественно собственными дѣйствіями и сообщеніемъ красноречія своего и другихъ ораторовъ дня. Описанія какія встрѣчаемъ у Вебера, де-Феррьера и другихъ, сравнительно кратка.

Сопоставляя описанія Бальи и кавалера д'Агилы замѣчаемъ небольшія разаразѣнія. Въ мемуарахъ Бальи (II, 61) разказывается что „когда король вступилъ на площадь

* 18 іюля Собранию было сообщено о побѣдѣ одержанной городомъ Парижемъ надъ королевмъ. Одинъ депутатъ трижды держалъ сѣдующую курлюскую рѣчь: „господи, это было восхитительно: Генрихъ IV, второй по имени (Henri IV, second de nom), среди своего добраго народа проходилъ Парижъ, съ сердцемъ на задони (traversait Paris! son coeur sur le main). Прим. д'Агилы.

** Авторъ судитъ по тому счастію, какое самъ испытывалъ среди своей семьи, съ которой скоро долженъ былъ разстаться и надолго, такъ какъ въ 1801 году онъ былъ въ Петербургѣ. Прим. д'Агилы.

Лудовика XV* раздался выстрѣль со стороны гдѣ Бурбонскій дворецъ. Выстрѣломъ убило женцию недалеко отъ кареты короля. Есть полное основаніе думать что несчастіе произошло случайно, но случай показался страннымъ*. О происшествіи упоминаетъ также Веберъ (Mém. I, 399), samtъ бывшій на углу площади. „Я услышала, говорить онъ, выстрѣль не далеко отъ кареты короля; выстрѣль смертельно поразилъ одну женщину“. Кавалеръ д'Агилы сопровождалъ, по описанию его, ближайше карету короля. Онъ говорилъ о суматра прошедшій при вступлениі на площадь, но не упоминаетъ о выстрѣльѣ вблизи кареты. Выстрѣль, если быть, повидимому, не привлекъ вниманія короля и его окружавшихъ. О выстрѣлахъ кавалеръ д'Агилы говорить посаѣ, передавая встрѣчу свою съ тѣлохранителями и чтѣ они ему разказывали.

Вступленіе короля въ Думу, Бальи описываетъ такъ: „Когда король вышелъ изъ кареты, въ шелѣ передъ нимъ въ пѣсколькихъ шагахъ. Я передалъ ему кокарду со словами: „государь, чимѣю честь представить вашему величеству эту отчину, – тельный знакъ Французовъ.“ Король благосклонно принялъ кокарду и укрѣпилъ ее на шапкѣ. Затѣмъ вошелъ на лѣстницу Думы.“ Д'Агилы не говорить о представлении кокарды при выходѣ изъ кареты и упоминаетъ о ней описывая уже засѣданіе.

Курюзно что Дюсо въ своихъ Запискахъ, разсыпалъ цветы красноречія и желалъ показать съ какою будто бы преданностью былъ встрѣченъ король, говорить о безпорадочномъ вступлениі въ Думу описанномъ у д'Агилы: „увѣдовали даже сѣды его ногъ“.

По описанію д'Агилы, съ королемъ въ его каретѣѣ ходили князь Бово, герцогъ Виалакье, графъ д'Этель и г. де-Нель. Нѣть упоминанія о герцогѣ Виалруа, имя котораго встрѣчаемъ въ другихъ описаніяхъ, не упоминающихъ за то о г. де-Нель. Что послѣдній находился въ каретѣ короля, о томъ находимъ свидѣтельство въ мемуарахъ гжѣ де-Кампанъ особо упоминающей объ этомъ обстоятельствѣ. Повидимому перечисленіе кавалера д'Агилы точно.

Въ заключеніе считаю не безынтереснымъ привести строку изъ описанія вѣзда какія находимъ въ Парижескихъ Революціяхъ. Описаніе, фактъ почти не сообщающее, любопытно своимъ революціонно-партическимъ тономъ и грубымъ

предпочел присоединиться къ избирателямъ находившимся въ Думѣ. Выбрали его тестя виде-президентомъ. Это былъ честный человѣкъ Г. де-Флессель, узнавъ что шестьдесятъ ружей находятся въ погонѣ участковъ, пригласилъ за ними чтобы присоединить къ другимъ имѣвшимся и сдѣлать имъ распределеніе. Но получившіе ружья отказались ихъ вызвать. Стало говорить что старшина, вместо того чтобы вооружать гражданъ, стремится ихъ обезоружить.

Поднялся вопросъ какъ буде именоваться составляемый корпусъ. Предлагалось наименование национальной милиции, французской милиции (milice bourgeoise). Слово милиція не понравилось. По спошениіи съ другими участками, сошлись на наименованіи городскіе гарды (garde bourgeoise). Не легко было организовать присутствовавшихъ и принудить присоединиться отсутствовавшихъ, которыхъ было большое число. Это уже вело къ раздорамъ. Шестьдесятъ ружей перешли въ общее пользованіе. Адское оружіе имѣло какуюто таинственную силу смущавшую воображение. Ружья были отобраны и заключены въ часовнѣ (dans une chapelle). Въ восемь часовъ вечера соглашеніе было еще сомнительно. Спорили и возмовались. Утомленный, я рѣшился уйти, какъ кто-то сказалъ что участокъ есть цѣлое, подраздѣленіе коего суть улицы. Стала выѣзжать улицы, переписывать присутствовавшихъ. Требовалось назначить начальствующихъ. Предсѣдатель поручилъ мнѣ временное начальство на моей улицѣ ст предписаниемъ соединить ея жителей. Каждое подраздѣленіе уходило чтобы устраивать караулы. Выѣдя, я усвѣдилъ что шайка бродятъ замышлять сжечь домъ одного совѣтника парламента. Я принялъ всѣ необходимыя мѣры чтобы тому воспрепятствовать. Мнѣ поручено было отправиться въ Думу и просить оружія. Я согласился, зная хорошо что Флессель не пойдетъ на эту мѣру. Не такой человѣкъ чтобы измѣнить своему королю.

Я употребилъ всѣ усилия чтобы послать спать, сколько было можно, моихъ новыхъ солдатъ. Такимъ образомъ, значительная часть шестидесятой дали парижской арміи склонно опочила. Не такъ было въ другихъ участкахъ, гдѣ остались на постахъ всю ночь. Послѣ ужина съзывъ отъ караула, расположенного подъ моимъ окномъ, что дворникъ дома гдѣ я жилъ, служившій прежде въ гарнизонѣ (qui etait

soldat du guet) и имѣвшей ружье и ладунку, условился передавать свое вооруженіе стражникамъ, которые будутъ его смигать. Въ десять часовъ я отправился опять въ Думу. При входѣ на площадь, освѣщенную факелами, вижу приближающейся со стороны моста Богоматери (Pont Notre-Dame) съ факелами же вооруженный отрядъ, и среди его каретъ въ шесть лошадей, въ которой сидѣтъ первый президентъ парламента Брошар де-Саронъ, котораго черни остановили при выѣзда изъ заставы въ тѣмнотѣ влекла на судь избирателей. Я входилъ на крыльце Думы сквозь волну этой неописуемой суетки. Въ вѣськолькихъ шагахъ вижу другую карету въ шесть лошадей, которую разбойничья команда сбирается сжечь. Черни хлопала въ ладони. Крики, угрозы, факелы, темное ночное небо образуютъ зловѣщую картины. Я поспѣшилъ подняться чтобы сообщить о происходящемъ нѣкоторымъ избирателямъ. Но въ залѣ только болтали и дѣлали предложенія, мѣшились во все ничего не производя. Многіе опять сошли со мною. На площади былъ разсѣянъ отрядъ французскихъ гардовъ; по солдатамъ безъ начальниковъ оказывали лишь слабое сопротивление бродягамъ пазававшимъ себѣ націю. Я уговорилъ кучку гренадеръ, остававшуюся въ бездѣлѣ, помѣшать фокеламъ проникнуть въ карету. Они дѣйствительно стали ее защищать. На каретѣ были королевскіе гербы, лошади имѣли отмѣтки королевской конюшни. Это была карета оберъ-шталмейстера (du grand escuier). Въ каретномъ сундуке былоѣль и ящики съ серебромъ. Бѣлье и серебро были переселены въ городскую регистратуру. Не зная что предпринять, мнимый "пароль" возжелалъ сжечь лошадей и карету. Ограничилася впрочемъ фургономъ также оставленномъ въ углу на площади.

Около полуночи депутаты отъ участковъ стала весьма многочислены. Делегаты отъ Сент-Антуанского предмѣстія, состоявшая человѣкъ изъ сорока съ предводителемъ во главѣ, такъ приставали къ г.-де-Флесселю, требуя оружія, что нѣкоторые изъ избирателей, принадлежавшихъ къ комитету, побудили его подписать приказъ уполномочивший этого предводителя захватить оружіе какое было у оружейника французскихъ гардовъ. Я совѣтовалъ отмѣнить приказъ, такъ какъ оно могъ вызвать нерасположеніе въ солдатахъ (indisposer les soldats). Распоряженіе дѣйствительно во

разчетомъ кого-то обмануть завѣрпіями будто революція направлена ко благу монархіи, а не къ ея разрушению.

„Заря прекраснаго дна, читаемъ въ *Révolutions de Paris* (№ 1, стр. 26), занималась наконецъ падъ Франціей. Мы увидѣли его. Несется слухъ что возлюбленный монархъ идетъ къ намъ. Вотъ онъ ужъ близко. Радость объемаетъ всѣхъ. Миланія берется за оружіе и летить на встречу своему королю. Послѣ ужасовъ войны, перешагають тѣль сказать черезъ двѣстѣ труповъ умерщвленныхъ гражданъ, народъ, дышавшій убѣйствомъ, песній всюду жѣлѣзо и огнь, изъ пѣдровъ измѣниковъ вырывавшій трепещущія внутренности, съ дышащими еще кровью на рукахъ, народъ нынѣ, съ челомъ сіяющимъ радостю, несетъ своему королю пальму мира. Французы, какое праводушіе (quelle louaute), какое довѣріе! О моя нація, ты одна умѣшь обожати, какъ умѣшь стити!“

Далѣѣ упоминается, какъ блестящее юношество съ оружіемъ поспѣшило на путь короля, образуя собою многочисленную кавалерію и еще многочисленнѣйшую пѣхоту; какъ вооруженные граждане строятся шпалерами, какъ движется кортѣкъ между безчисленными народомъ наполняющими улицы, площади, набережные окна и крыши домовъ. „Всѣ друзья, всѣ граждане... богатый съ добротой отоснись къ бѣднымъ— рабовъ нѣть, всѣ равны. Ласковый прелестный полъ, съ высоты баляконовъ, изъ оконъ, бросаетъ полною горѣстью патріотическія кокарды и лучки лентъ, вьющихся по воздуху, подымлющихся, уносимыхъ, падающихъ, уловляемыхъ вспашами, осларивающими между собою честь украсить чело изъ рукъ красоты.

„Какое прогательное и возвышенное зрѣяніе! Приходитъ не страшный властитель, окруженный суровыми солдатами и гордою стражей. Нѣтъ болѣе прежней песньханной роскоши, вѣраго золота народной бѣдности... Приходитъ великий король, возлюбленнѣйший изо всѣхъ, безъ свиты, безъ стражи, безъ конюха въ среду своего народа, который его боится. Августѣйшие представители націи (*les augustes repr  sentants de la nation*) окружаютъ его и предшествуютъ ему. Герцогъ Вильяруа, маршалъ Бово, герцогъ Вильякѣ и графъ д'Этень сопровождаютъ его. Граждане окружаютъ его кирту, одни держась у дверецъ, другіе направлана ею гордыхъ коней“.

Описание „счастливаго дна“ оканчиваются словами: „Слезы наши исчезли, бѣдствія почти забыты, желанія наши отныне исполняются. О мой король! Да восчувствуетъ сердце ваше всю уѣну быть во главѣ свободнаго народа! А вы, Французы, не забывайте никогда что изъ нѣдѣль свѣта рождаются свобода, оболѣ, миръ и счастіе.“

Прошелъ годъ—и въ той же газетѣ возлюбленный король зовется не иначе какъ ты, Лудовикъ; отличается въ слабости ума и предостерегается что будешь „мерзѣйшимъ изъ людей и самыи визѣкъ изъ королей“ если послѣ своихъ торжественныхъ общаній Национальному Собранию сворнетъ на иной путь (*R  v. de Paris. T. V, 606*). Въ началѣ 1790 года газета привѣтствуетъ короля статьей начинаяющейся словами: „Лудовикъ, ты получилъ въ подарокъ къ Новому Году конституцію великаго народа котораго ты предводитель. Это лучшій подарокъ какой можно сдѣлать королю... Лудовикъ, держись крѣпко... Ты словно по инстинкту избралъ благую часть. Перестасть быть помазанникомъ Господнимъ (*Goint du Seigneur*), а сдѣлалъ старшимъ сыномъ отечества. Наша общая матерь утвердила тебя на твоемъ мѣстѣ во главѣ великой семьи. Скажи, развѣ не лучше предѣдѣть въ сонмѣ братьевъ чѣмъ полирать ногами подданныхъ?“

Кавалеръ д'Агилъ былъ правъ заключая описание королевскаго вѣнца словами: „такъ исчезло 17 июля 1789 года почтеніе къ величию трона.“

4 августа 1789 года кавалеръ д'Агилъ покинулъ Парижъ и Францію, направляясь въ Вѣну, куда, по словамъ его, имѣлъ порученіе.

П. ЛЮБИМОВЪ.